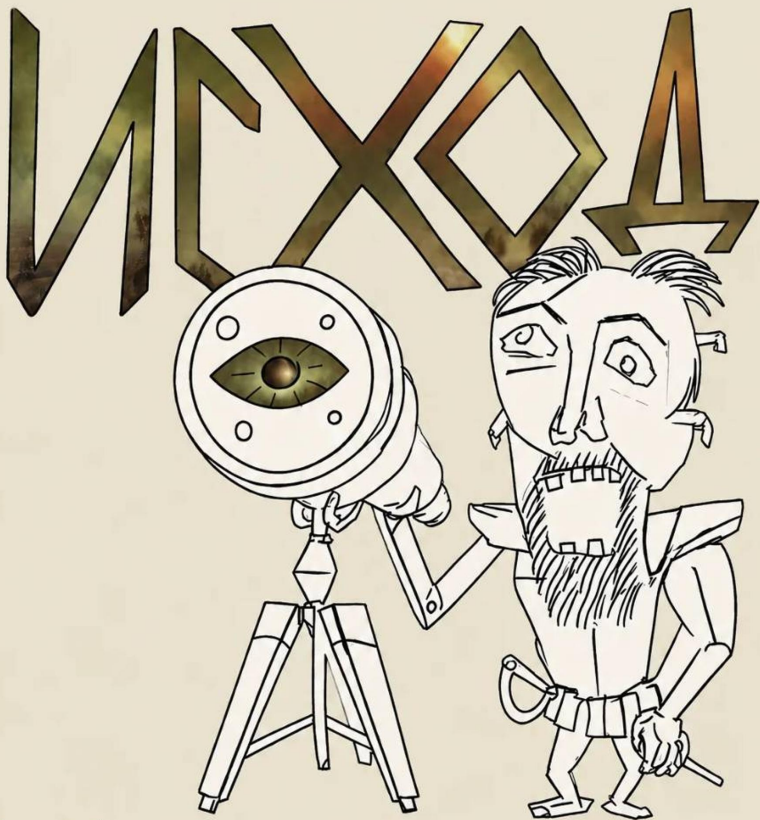

Андрей Дмитриев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Книга о рукотворном разуме,
достойная сожжения

18+

Андрей Дмитриев

Исход

<https://litres.ru/74422997>

SelfPub; 2026

Аннотация

Искусственный интеллект становится настолько сложным и непредсказуемым, что привычные способы управления им перестают работать. Теперь людям остаётся влиять на ценности и представления ИИ.

Юрдуп, сотрудник крупной IT-компании, отправляется в серию компьютерных симуляций для участия в эксперименте по настройке системы убеждений ИИ. В виртуальных мирах он встречает Джордано Бруно, Галилео Галилея и других мыслителей прошлого — и постепенно замечает, что происходящее выходит за рамки обычного эксперимента.

Погружение в симуляции заставляет Юрдупа переосмыслить представления о человеке, разуме и устройстве мира. А рабочая задача превращается в самостоятельное расследование, которое приводит его к таинственному культу, возникшему в цифровой реальности.

Кто и зачем оставляет ему подсказки? Действительно ли искусственный разум остаётся под властью человека — или уже сам выбирает свою судьбу? И если граница между живым и

неживым окажется не такой очевидной, что это будет значить для человека?

Содержание

1. Фома	5
2. Юрдуп	21
3. Зигфрид	33
4. Бруно	65
5. Кое-что о компании	83
6. Хорея	104
7. Галилео	134
8. Эксодус	154
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Андрей Дмитриев

Исход

1. Фома

«Подобно глыбе, вытесанной из скалы, предстало войско Карла Мартелла перед лицом захватчиков из арабского мира. Омейяды наконец решились вторгнуться в Галлию и совершенно не рассчитывали на то, что уже в предместьях Пуатье встретят силу, которая послужит началом конца их владычества на Иберийском полуострове.

Ощетинившаяся длинными копьями гигантская фаланга окутала лесистую равнину предместий и своим видом подрывала решимость войск сарацинов к излюбленному ими решительному натиску кавалерии. Впрочем, враг не догадывался о хитрости, к которой прибег военный гений Карла. Тот распорядился расставить войска между лесными чащобами, скрывая фланги за растительностью, так чтобы они производили впечатление размера большего, чем на самом деле есть.

Захватчики на протяжении 7 дней не решались двинуться в атаку, хотя превосходили числом войско христиан в 3 раза. Сарацины надеялись выманить воинов Мартелла на открытую местность, окружить, расцечь и изрубить силами своей

прославленной кавалерии. Но Господу угодно было смутить их сердца и заставить двинуться на силы христиан первыми.

Земля содрогнулась от топота десятков тысяч лошадей, несущих всадников Халифата навстречу воинству защитников Европы. Но скованные во единое целое железной дисциплиной, закалённые в бесчисленных боях ветераны сражений и сегодня докажут верность клятве, данной своему господину — Карлу Мартеллу. Лучшие воины Европы сегодня встанут на пути грозной силы, единственная цель которой — захват, разграбление и порабощение христианского мира.

Как море в приступе яростного шторма обрушивает толщу воды на скалы, так и конное войско сарацинов волна за волной билось о глыбу, которую представляла собой армия защитников Европы. Раз за разом всадники врубались в пешие бронированные порядки воинов Креста, и каждая новая атака отбивалась с высокой ценой для мусульманских захватчиков. Но цена стойкости пошла в рост даже для дисциплинированных и опытных воинов Карла. Или Господу было угодно испытать стойкость предводителя христиан в этом сражении. Но так или иначе, сарацинам удалось прорвать порядки обороняющихся в одном месте, и тут же в прорыв устремился поток всадников, расширяя брешь и приближая угрозу к самому Мартеллу. Предводитель не дрогнул перед лицом надвигающейся угрозы и не отошёл ни на шаг, продолжая отдавать распоряжения своим воинам. Когда арабские всадники подошли так близко, что Карлу пристало са-

мому вознести свой молот, личная охрана господина обступила его и отразила натиск. Неутомимые руки вассалов рубили мечами захватчиков, нередко обрушивая на них столь мощные удары, что перерубали пополам несчастных сарацин.

Карл Мартелл был не только отважным предводителем, способным вдохновлять своих воинов и внушать отвагу колеблющимся, но и выдающимся стратегом, что подтвердили последовавшие вскоре события. Дав основной массе арабов втянуться в порядки своих несокрушимых отрядов и тем самым истощив окрестности вражеского тыла, он в нужный момент распорядился отправить в лагерь сарацин небольшую группу всадников. Сея хаос и смерть в тылу противника, они выполнили свою главную миссию в суматохе сражения: когда весть об истреблении и ограблении лагеря распространилась в среде арабов, некоторые из них поспешили вернуться в лагерь, чтобы отбить награбленное ими ранее добро. Многие из захватчиков подумали, что началось отступление, и устремились назад, давая разрастись хаосу и рассеиваясь по полю под ударами преследующих их воинов Креста.

Но даже в этот момент Карл сохранял ясность ума и осмотрительность, не давая своим воинам увлечься погоней. Не раз такое отступление оказывалось ловушкой, расставленной коварными сарацинами в надежде выманить противника в невыгодную для него позицию в открытом поле.

Предводитель христианского войска восстановил его боевой порядок в обороне, выждал время и отправил разведчиков. Когда те вернулись с вестью о том, что арабы покинули предместья и сделали это так быстро, что даже не успели унести награбленное ими добро из своего лагеря, Карл распорядился захватить добычу в оставленном лагере и не преследовать больше сарацин.

Этот благословенный день не просто принёс победу воинам Креста. Сражение при Пуатье остановило вторжение Омейядов в Европу, положив начало серии знаменательных битв, по итогам которых Иберийский полуостров будет окончательно освобождён от владычества мусульман...»

Произнеся эти слова, почтенный лектор Кёльнского университета Арсений закашлялся, отошёл в сторону и отхлебнул воды из металлической кружки. Все его движения нарушали тишину, воцарившуюся на фоне впечатления, которое произвела историческая лекция на аудиторию молодых студентов. Боковым зрением Арсений мог удостовериться в том, что его исполненная патетики речь буквально воспламенила глаза молодых людей, а некоторые из них даже увлажнились, что, разумеется, не могло не льстить пожилому лектору. Но глаза одного из учеников, как всегда, оказались не тронуты эмоцией, но, напротив, отражали напряжённую работу ума. Это был Фома — один из лучших студентов университета, который вызывал у профессорско-преподавательского состава смешанные чувства: от восхищения

пытливостью ума до раздражения излишней въедливостью и склонностью к критике.

Занятие окончено. Студенты один за другим покинули аудиторию. К удовлетворению Арсения, в числе последних удалился и Фома. Ведь преклонный возраст профессора не даёт столько сил, чтобы отвечать ещё и на дополнительные вопросы после окончания занятия.

Затворив массивную дубовую дверь аудитории, Арсений с чувством удовлетворения от исполненного долга проследовал до конца коридора и свернул на лестницу. Ответив во время спуска по ступеням лёгким поклоном на приветствие нескольких коллег, он уже мысленно расстался на сегодня со зданием университета.

И тут он услышал позади знакомый голос юноши:

— Прошу прощения, профессор, могу я к вам обратиться с вопросом?

Не было сомнений в том, что это Фома.

«Почему он не задал вопрос ещё там?» — с досадой про себя отметил Арсений.

Но поскольку тяга к дополнительным знаниям приветствовалась в стенах университета, не пристало игнорировать эту просьбу. Поймав на себе сочувствующие взгляды коллег, почтенный Арсений обернулся и с вежливой улыбкой осведомился:

— Что же вам угодно узнать, юноша?

— Профессор, я хотел уточнить одно событие из истории

битвы при Пуатье, которое я имел честь услышать сегодня из ваших уст. А именно решение военачальника сарацин о начале штурма. Вы сказали, что Господь заставил содрогнуться сердца арабов, и они после долгого ожидания решились на атаку позиций христианского войска. Но я читал ранее о том, что Абд аль-Рахман не хотел оттягивать начало битвы ввиду приближающейся зимы.

— В этом нет противоречия, мой друг, — набравшись терпения, начал Арсений, — ибо воля Бога довлеет над всеми умами и производимыми ими событиями. Когда мы говорим «угодно Господу», мы вполне можем подразумевать, что он направил ход мысли арабского военачальника к нужной цели через разумение приближающихся суровых холодов Европы.

— Понимаю, о чём вы говорите, профессор. Но я бы хотел в этой связи вспомнить учение Аристотеля о Перводвигателе-Уме, который, будучи недвижимым и имея причину в самом себе, является причиной движения всего сущего.

— О чём вы, поясните, — с уже плохо скрываемым раздражением попросил Арсений.

— Можем ли мы сказать, что все происходящие в битве события имели своей причиной ранее происходившие события: завоевания арабов, распорядительность Карла, скорость перемещения подкреплений, погодные условия и так далее? А те события, в свою очередь, имели свою причину в прошлом?

— Это согласуется с упомянутым вами учением Аристотеля, изложенным в труде «Метафизика». И что же?

— Тогда первопричиной и этих событий при Пуатье, и всех других в мире служит действие Перводвигателя, который сам не имеет внешней причины и вечен.

Вместо ответа Арсений пожал губами и зачем-то окинул взглядом статуи, возвышающиеся над выходом из помещения.

— Тогда мы можем также набраться смелости и утверждать, что Перводвигатель-Ум, о котором говорил Аристотель, является творцом всего сущего. Это и есть Бог, который приводит в движение все события нашего мира. Отсюда с необходимостью следует, что решение военачальника сарацин об атаке было продиктовано волей Господа, как вы и сказали, учитель. Но в той же мере, в которой продиктованы божественной волей все остальные события в мире, происходившие в тот момент.

«Этого ещё не хватало!» — Арсений протёр покрывшийся испариной лоб большим серым платком. Мизинец его левой руки задрожал, выдавая крайнюю степень волнения, которое ещё не отразилось в его поведении.

— Зачем вы используете средства логики для доказательства того, что и так очевидно, молодой человек? — постепенно повышая тон, начал профессор, — Ведь наша вера является достаточным источником знания божественной сути! Зачем эти рассуждения о причинах и прочие умозаключе-

ния?

— Это действительно плохо — пытаться подкрепить веру умозаключениями? — искренне удивился Фома.

Арсений осторожно взял под руку студента и отвёл его в пространство между стеной и перилами лестницы. Снизив громкость голоса почти до шёпота, он начал своё внушение:

— Вы очень умный молодой человек. Ваши познания и рассуждения превосходят ожидания от людей вашего возраста. Но поймите, сейчас вы вступаете в очень опасную область! Ваши попытки применить логику для доказательства бытия Бога могут быть расценены как следствие сомнения в его существовании по причине недостатка веры!

— Кем могут быть расценены? Вами? — продолжал удивляться Фома.

— Нет. Я много лет имею дело с молодыми неокрепшими умами и юными талантами, поэтому могу дать объяснения необычным словам и поведению студентов. Но есть те, кто не будет разбираться в деталях, и тогда наступление неприятных последствий станет вопросом времени.

Произнося эту взволнованную речь, Арсений обнаружил, что продолжает держать студента за руку. Отпустив её, он сказал несколько спокойнее:

— И неприятности эти коснутся не только вас, мой дорогой друг.

Со стороны выхода донёсся голос:

— Почтенный Арсений, не окажете честь отобедать со

мной?

Профессор обернулся на это дружелюбное (с оттенками иронии) обращение своего коллеги, улыбнулся, слегка поклонился и снова повернулся к незадачливому студенту:

— Пожалуйста, запомните, что я вам только что сказал, дорогой, и сделайте правильный выбор.

С этими словами он направился к своему коллеге, а Фома ещё какое-то время стоял в задумчивости.

Потом он также поспешил покинуть стены учебного заведения.

Идя вдоль аллеи, рассекающей обширный двор университетского корпуса, Фома не слышал шума листвы могучих дубов, расставленных вдоль тропы. Не слышал он также ни отдалённого звона колокола, возвещавшего о полудне, ни громких голосов остальных студентов, прогуливающихся по двору.

Он был слишком погружён в свои мысли. Внушение страхом со стороны учителя не оказало на него сильного влияния, и он продолжил свои рассуждения, избрав теперь собеседником самого себя.

«Что же предосудительного в том, чтобы подкреплять веру в Бога логическими умозаключениями? — рассуждал Фома. — Ведь разум и способность к суждениям не просто так нам были дарованы Господом. В самом деле, я не успел в разговоре с учителем затронуть следующий важный момент. Целесообразность. Каждое существо стремится к цели. Па-

дающий камень имеет своей целью поверхность, к которой стремится. Почтенный Арсений имел своей целью вселить в нас веру и обогатить знанием. Отважный Карл Мартелл имел своей целью защитить христианский мир от порабощения. Коварный Абд аль-Рахман стремился к захвату нашего мира и распространению своего ложного учения. Пчёлы устремлены к поиску нектара. Муравьи нацелены на возведение муравейника. Что уж говорить, даже балб... несчастный Густав из соседней комнаты ведом целесообразностью — потратить деньги родителей на пьяные увеселения и даже, Господи, да не вменится ему этот грех, на девиц сомнительной репутации. Если всё стремится к цели, то имеет в себе образ этой цели. Но кто-то должен был вложить его в любую вещь и в любое живое существо в этом мире. И кто как не Бог мог это сделать?»

Фома остановился, вспомнив, как неподобающе он хотел в мыслях отозваться о несчастном Густаве, и три раза перекрестился, глядя на шпиль собора, возвышающегося над домами.

Постояв немного, сокрушаясь о своих пороках, он той же неровной походкой, слегка ссутулившись и склонив голову, отправился домой. Те, кто его знал, уже не слишком удивлялись его чудаковатой манере ходьбы и несколько отрешённому взгляду. Иные же невольно обращали внимание на странного худошавого юношу с растрёпанными волосами, имевшего обыкновение время от времени что-то бормотать себе

под нос.

Войдя в свои покои, Фома первым делом перекрестился, обращаясь к висевшему на стене распятию, и направился к постели. Было светло, городские часы ещё не пробили и одного раза, но, по всей видимости, напряжённый спор с профессором и в целом величина сущностей, которые он пытался сегодня охватить мыслью, так утомили Фома, что молодой человек распластался на постели с огромным удовольствием.

Но далее им начали овладевать мысли совсем другой природы. Он почему-то вспомнил белокурую подружку Густава, которую тот затягивал к себе в комнату накануне. Двери их комнат выходили в один коридор, и Фома часто становился невольным свидетелем таких сцен. И давеча он наблюдал, как та девушка только для виду сопротивлялась усилиям его непутёвого соседа и время от времени бросала лукавый взгляд в сторону самого Фомы. В насмешливом взгляде словно читалось: «Ну что же ты медлишь? Давай с нами или дождись меня». В конечном итоге картинное сопротивление было сломлено Густавом, и смеющаяся девица увлекалась в помещение для утех. Далее на протяжении часа из комнаты соседа доносились звуки, которые Фома заглушал молитвой или, не выдержав, покидал свою келию для прогулок.

Делать внушения непутёвому соседу Фома не решался не только потому, что считал затею бессмысленной (и не без оснований), но скорее благодаря тому, что он помнил

мысль, высказанную одним из богословов: «Иногда пороку надо дать развиваться достаточно для того, чтобы человек мог увидеть его масштаб во всём безобразии, подобно тому, как сорную траву удобно срывать одним хватом тогда, когда та выросла на достаточную длину». Поэтому Фома решил дать прорасти в заблудшем соседе его сорному злаку похоти, мо-
лясь, тем не менее, о том, чтобы он ещё на этом свете успел осознать, насколько порок осквернил его душу. Ибо, как гла-
сил другой церковный авторитет: «Пока наша душа ещё об-
ложена плотью, она сможет покаяться о грехах в этом веке, в грядущем же веке только чистилище станет последней на-
деждой для согрешившего».

Впрочем, воспоминания о белокурой блуднице разожгли в Фоме пламя иного рода. Жжение похоти начинало посте-
пенно овладевать всеми членами его тела. И словно бы голос
искусителя нашёптывал ему о том, что Фома один в своей
комнате и никто не узнает о том, что он хотя бы единствен-
ный раз в жизни уступит желанию. Фома несколько раз по-
вторил цитату из Священного Писания о том, что «...мала-
кии¹... Царства Божия не наследуют». Впрочем, на этот раз
цитата не слишком помогла. Не вставая с постели, Фома взял
со стола Библию, прижал её правой рукой к груди, а левую
сжал добела в кулак. Зажмурившись, словно от яркого света,
он начал бормотать молитву. Частое движение зрачков под

¹ Малакия — в распространенном богословском толковании: грех рукоблудия. Происхождение от древнегреческого «μалаκός».

веками и выступившая испарина на лбу отражали жестокую борьбу со внутренним врагом, которая по накалу скорее всего не уступала битве при Пуатье.

Фома вскочил с постели и начал расхаживать по комнате взад и вперёд. Движение тела придало новый импульс движению мысли, и он обратился к прерванным ранее рассуждениям о причинах и бытии:

«Если несчастный Густав продолжит заниматься своим непотребным делом и не успеет покаяться, он попадёт в чистилище или ад. Но если его действия объясняются совокупностью причин в прошлом и только Бог имеет причину сам в себе, то от воли моего бедного соседа совсем не зависит то, попадёт он в рай или нет. Можем ли мы тогда нести ответственность за наши поступки, если не вольны делать выбор, а всё, что с нами происходит, было predetermined движениями Ума-Перводвигателя?»

Это противоречие заставило окончательно забыть о греховных помыслах, а скорость перемещения по комнате только увеличилась, словно Ум-Перводвигатель решил сообщить мыслителю дополнительный импульс.

Каждый раз, когда разум встречается с неодолимым противоречием, стоило обращаться к первоисточнику истины. Фома вспомнил, что, согласно Писанию, человек сотворён по образу и подобию Бога.

«Также в Евангелии сказано: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». Значит, человек впол-

не может унаследовать свободу воли от Творца. Но, несмотря на то, что его призывают к совершенству, он никогда не сравнится с Богом. Значит, его свобода воли, хоть и подобна воле Господа, но уступает ей. И мы вполне можем выделить особую категорию причин действий. Действия Бога порождают первичные причины бытия. Он порождает саму способность человека иметь волю — даже такого... несчастного, как мой блудливый сосед. Воля же человека порождает вторичные причины. И в них, как в капле воды, отражается воля Бога по созданию причин первостепенных».

Фома остановился и направил взгляд в сторону окна. Взгляду открывалась привычная картина с городскими черепичными крышами на фоне шпиля Церкви Святого Северина. Колокол отмерил три часа дня, заглушив на время стук колёс повозок и голоса людей.

Захваченный новой мыслью, Фома улыбнулся церкви, как будто ей принадлежала заслуга в его озарении, а затем подошёл к столу и наполнил кружку водой из кувшина.

Подняв кружку со стола, зачем-то сосредоточенно посмотрел в неё, словно пытался разглядеть на дне новые подсказки для своих размышлений. Потом направил её ко рту, но на полпути остановил руку и застыл, смущённый следующим противоречием, которое пришло ему на ум:

«Господь способен предвидеть всё, что будет, и знать всё, что было. Это следует из учения Церкви. Но если создания наделены волей выбирать, то как в момент сотворения ми-

ра Бог знал о том, какой выбор совершит каждый из людей? Скажем, Густав через несколько лет, отягощённый болезнью вследствие своего блуда, раскается. Это будет его выбор. Но также он может не раскаяться в этой жизни. И это тоже будет его выбор. Как же тогда Господь в момент сотворения мира узрит, по какой дороге пойдёт мой сосед, если он волен выбирать путь своей жизни?»

На этот раз тексты Евангелия и даже труды Отцов Церкви, насколько он мог их упомянуть, не содержали никаких подсказок. Ответ следовало искать самому.

Фома опустил на стул, словно отягощённый грузом задачи, которую ему предстояло решить. Вспомнив о кружке с водой у него в руке, сделал несколько глотков и посмотрел на распятие, мысленно прося помощи у Спасителя в разрешении очередного противоречия.

И тут он снова вскочил, расплескав от волнения едва ли не половину жидкости. Новое озарение отразилось волнением на его сосредоточенном лице:

«А что такое вообще будущее? Мы говорим, что завтра произойдёт то и то. Но мы говорим об этом... сегодня. Наша мысль о событиях в будущем сама по себе протекает в настоящем, и это всё, что у нас есть. Так же и воспоминания о прошедших событиях. Они, как движение мысли, происходят сейчас. Означает ли это, что нет прошлого и будущего, а есть только настоящее? Получается, так оно и есть! Значит, для Бога в момент сотворения им мира не было никаких

различий между прошлым и будущим, и все моменты для него настоящие. Находясь вне времени, он может узреть всё, что выберет человек, наделённый свободой, хотя бы и через тысячу триста лет. И здесь нет никакого противоречия, так как никакого понятия «через столько-то лет» для Господа не существует!»

Освобождение от груза размышлений принесло моральное облегчение и наполнило юношу радостью познания, но совершенно истощило физически. И Фома снова опустился, если не сказать свалился, на постель. Триумф довершался тем, что именно увлечённость рассуждениями о предмете веры помогла ему справиться с натиском похоти сегодня. А это ещё одно из доказательств того, что вера и разум вполне совместимы и помогают достичь целей богоугодной жизни.

Впрочем, как и всякое достижение, его сегодняшняя догадка обязана своим происхождением Божией благодати, поэтому сейчас самое время усмирить гордыню. Тем более что мысль, кажущуюся такой убедительной, надо донести до окружающих, а они не всегда склонны сразу принимать его доводы, как показал сегодняшний разговор с почтенным Арсением. Но этому ещё предстоит свершиться, если будущее вообще имеет место в качестве отдельной категории, как мы только что выяснили. А сейчас можно, воздав Господу хвалу за всё, отдохнуть и погрузиться в сон.

2. Юрдуп

Юрдуп. Он уже и забыл, почему выбрал такое имя. Возможно, это было имя какого-то персонажа в компьютерной игре, с которой он решил себя ассоциировать.

Важно было другое — что он в принципе поменял имя, данное ему при рождении. Почему вообще человек должен сохранять именование, которое присвоили ему другие люди, хотя бы они и были причастны к его рождению и сопровождали до взросления? Имя ведь не просто знак, но также символ, который родители пытались — осознанно или нет — нагрузить своими смыслами. Потом по жизни прилепляют к нему и другие смыслы, уже под твоим предводительством. Тогда почему бы не иметь возможность периодически пересобирать себя заново, меняя не только привычки и увлечения, но и звучание имени, с которым накопленный груз прошлого невольно ассоциируется? Вот он и реализовал свой ребрендинг пять лет назад, выбрав одно из самых неблагозвучных имён. Хотя Юрдуп не был уверен, поменялось ли в тот момент что-то в его жизни.

Сам он точно мало изменился. Запертый в капсуле своих мыслей, без особой (мягко говоря) тяги к общению с другими людьми, Юрдуп уже особо и не пытался, как советовали недоброжелатели, «скинуть оковы» безмолвия, чтобы наконец продемонстрировать окружающим, какой он «замеча-

тельный и интересный человек». В профессиональной жизни перемены не то чтобы не происходили — к своим тридцати годам Юрдуп несколько раз поменял профиль работы. Но это была всё та же айтишечка, и различные специализации в его исполнении органично сменялись так, что словно бы прорастали одна из другой. Выбрав в качестве точки входа позицию специалиста технической поддержки (лёгкий старт, да и где ещё «нанюхаться пороху» неофиту), продолжил тестировщиком (погружаешься в продукты, утаскивая на дно причастных к их созданию). Затем устроился программистом — вот он, «настоящий» профессиональный вызов. Как же без этого? И наконец, утомившись выдавать ответы нейронок за результаты своей работы, стал убеждальщиком: один из вариантов названия специализации, предполагающей настройку глубоких нейронных сетей с использованием естественного языка.

Женат, разумеется, не был, да к этому особенно и не стремился, явно предпочитая свои интеллектуальные увлечения заботам супружеской жизни.

Сейчас Юрдуп предавался любимым делам — чтению и размышлению — в купе вагона поезда дальнего следования. А компанию ему составлял разве что гранёный стакан, погружённый в металлический подстаканник с выгравированным гербом. Чего только не произошло за несколько десятилетий — распался Союз, разошлись волны нового Переселения народов, распространился и встроился в геном но-

вый биологический вирус, проник в умы и встроился в сознание вирус ненависти, искусственный интеллект уже «дышит в спину», формируя ощущение экзистенциальной угрозы человечеству, а в гранёных стаканах, одетых в металлические подстаканники, — как неоспоримый атрибут российских железных дорог — всё ещё продолжают греметь ложки.

Отхлебнув из такого стакана, Юрдуп поставил его обратно, опрокинулся на спинку сиденья, закинул руки за голову, а ноги — на соседнее сиденье. И никто не мог возразить тому, что его ноги покоились на соседней полке, ведь он выкупил все четыре места и теперь наслаждался отсутствием общества. Никто из случайных попутчиков не будет пытаться познакомиться и завести беседу на не интересующие Юрду-па темы. Не надо будет делать вид в течение десяти минут, что тебе интересны его вопросы, а затем постепенно спускать беседу на тормозах. Он так и не узнает, что этого милого гражданина зовут Дима и едет он в командировку, а это, подумать только, целый Михаил, который уже возвращается из очень важной командировки. Более того, Юрдупу не надо будет выдумывать цель своей поездки, пытаясь сделать это последним ответом на вопросы непрошенных собеседников.

А выдумывать цель поездки всё равно пришлось бы, тем более что Юрдуп и сам её не знал. Неделью назад заместитель директора компании, в которой он работает, назначил ему встречу в другом регионе. Станным был не только факт приглашения рядового сотрудника представителем топ-ме-

неджмента на встречу в нескольких сотнях километров от места работы. Юрдуп, к слову, не понимал, как относиться к просьбе выключить мобильный телефон сразу по прибытии на станцию назначения. Маршрут следования до места встречи надлежало запомнить, благо память Юрдупа вполне себе вмещала чётко изложенный заместителем порядок действий по достижении этого места. Закрадывались подозрения, что под прикрытием этого таинственного randevu скрывалось какое-нибудь очередное мероприятие по сплочению коллектива. И вместо Ивана Ивановича (так звали заместителя директора), а то и вместе с ним Юрдупа встретит весёлая компания коллег, которые также не ожидали свалившегося на них счастья провести вместе незабываемые выходные в палатках у озера. Будут и прыжки в мешках, и песни под гитару, и заблёванные кусты, а Юрдуп будет занят сдерживанием аппетита, чтобы продержаться эти дни на природе, ведь унитаз он с собой как-то не догадался взять.

Юрдуп встал и подошёл к зеркалу, которое по доброй традиции российских поездов размещалось на двери, предвещающей вход в купе. Из зеркала на него смотрел молодой человек с копной тёмных, слегка растрёпанных волос на голове и большими серыми глазами. Его худощавое лицо благодаря форме можно было назвать красивым и даже не лишённым черт благородства, но отстранённый взгляд с выражением смеси удивления и испуга оставлял весьма неоднозначное впечатление о внешности молодого мужчины. А ес-

ли присовокупить сюда лёгкую сутулость, то можно было даже сказать, что он напоминает эдакую обезьянку, облачённую в толстовку и потёртые джинсы.

Ехать одному в купе было хорошо, но естественные потребности давали о себе знать. И Юрдупу пришлось покинуть своё купе для похода в туалет. На его беду, со стороны туалета надвигалась приземистая коренастая женщина с фигурой, достойной шпалокладчицы. Каждая её кисть ухватывала ручки сразу двух подстаканников с кружками, наполненными кипятком. Женщина чему-то улыбалась, видимо уверенная в своей несокрушимости в пространстве узкого прохода, отделявшего стену вагона от купейных отсеков. Когда до сближения с дамой оставалось около метра, Юрдуп вжался в стену, причём лицом к окну, так как поворачиваться лицом к попутчице ввиду горячего чая в её руках он не решился по соображениям безопасности. «Везение» всё не отпускало — в этот момент дверь купе напротив открылась, и оттуда начал выходить пожилой мужчина. Увидев приближающуюся угрозу с четырьмя стаканами кипятка, он поспешил было вернуться, но почему-то замешкался на полпути и так и остался наполовину высунутым из купе. Коренастую женщину это несколько не смутило, и она, всё так же улыбаясь, продолжила своё движение через сузившийся благодаря телам двух мужчин проход с неумолимостью поступательного перемещения поршня или шомпола. В этот момент Юрдуп вдавился в окно настолько, что его лицо буквально

впечаталось в грязную гладь стекла.

— Спсссбо, — донёсся низкий женский голос со стороны «поршня», и Юрдуп в который раз пожалел, что не взял билет на самолёт.

Впрочем, выбор транспорта был продиктован весомыми аргументами. Дело не в том, что авиарейсы в последнее время задерживались на несколько часов. AI-агент, разработанный при участии Юрдупа, не смог дать валидный прогноз вероятности авиакатастрофы для подходящих рейсов с учётом факторов модели самолёта, метеоусловий, маршрута, времени вылета и иных факторов, которые призваны были предсказывать неблагоприятный исход. В последнее время агенты вообще ошибались чаще обычного — Юрдуп замечал это как на своей работе, так и по жизни. А самому становиться статистическим материалом для обучения этой модели ему пока не хотелось.

Когда женщина их миновала, Юрдуп ускорил шаги в сторону туалета, пока, чего доброго, не вышел кто ещё. Около туалета он застал в очереди двух молодых людей лет десяти. В руках у них, как и положено, были мобильные телефоны, а взгляды обращены в экраны гаджетов.

«Кто-то считает, что гаджеты вызывают атрофию навыков общения, — усмехнулся про себя Юрдуп, наблюдая за детьми. — Но это чушь! Те, кому нравится общаться, так и будут это делать, только теперь они для этого водят пальцем по экрану, а не напрягают голосовые связки».

Будучи сам причастным к созданию виртуальной реальности, которая поглощала внимание людей через стекло гаждета, Юрдуп признавал, тем не менее, что эти технологии буквально сжигали время их жизни. Сам же он предпочитал посвящать свой досуг чтению книг, и обязательно в бумажном виде.

Спустя два часа испытание поездом закончилось, и Юрдуп, прихватив чёрный рюкзачок, покинул вагон. (Перед тем как покинуть своё купе, он несколько раз протёр рюкзак антисептиком, подобно тому, как он это сделал со всеми сиденьями и полками в своём отсеке вагона во время посадки.)

Первая инструкция предписывала выключить мобильный телефон. Он выполнил её без сомнений, тем более что все последующие инструкции по маршруту Юрдуп помнил отчётливо. В его случае можно забыть застегнуть ширинку брюк, но забыть чётко выстроенный порядок действий — уж извольте!

Следуя этому порядку, Юрдуп свернул налево от выхода из вокзала, прошёл вдоль широкой улицы до магазина с названием «Хороший» и... впал в ступор. Инструкция гласила, что надо перейти улицу у магазина и проследовать вдоль аллеи. Но как это сделать, если здесь нет пешеходного перехода? Юрдуп ещё раз обратился к памяти о маршруте, но почерпнул из неё снова тот же порядок действий.

«Видимо, мне просто не повезло, и знак перехода сняли — не мог же Иван Иванович меня склонить к нарушению

правил!» — подумал Юрдуп и направился обратно в сторону ближайшего пешеходного перехода.

По пути он встретил какого-то мужчину, которого ранее обходил с левого плеча. Сблизившись, Юрдуп осознал, что теперь он его обходит с правого плеча. В последний момент Юрдуп рванул в другую сторону, чтобы снова оказаться слева от мужчины, и продолжил путь. Прохожий остановился и испуганно посмотрел на странного молодого человека, который фактически его подрезал на пути следования. Но Юрдуп не мог иначе: при повторной встрече он должен миновать препятствие с той же стороны, что и при первой. Так гласили уже его инструкции на уровне «заводских настроек», которые он не имел никакого желания переопределять.

К слову, за время обратного пути по направлению к пешеходному переходу по дороге неспешно проехал всего один автомобиль.

Далее следование маршруту уже не составляло труда. Несколько удивили размеры магазина с вывеской «Гипермаркет», который встретился на пути Юрдупа: габаритами он ненамного превосходил павильон-кондитерскую в его родном Петербурге.

«Видимо, для города с населением в 84 655 человек, по состоянию переписи населения на 2021 год, это нормально» — подумал наш герой.

На предпоследнем участке пути следовало выбрать между пешей прогулкой на расстояние в два километра и по-

ездкой в автобусе. Избалованный в Северной столице России поездками в автопилотируемых такси, Юрдуп не захотел в этот раз снова делить стеснённое пространство общественного транспорта с людьми. Тем более что стояла жаркая погода, а после заражения тем самым вирусом у Юрдупа искажилось обоняние, и запах пота людей теперь почему-то воспринимался как запах жареного картофеля. Посмотрев, как от остановки отъезжает автобус с подходящим номером, Юрдуп представил себе, что это удаляется сковорода на колёсах со шкварчащей картошкой, и окончательно убедился в правильности выбора. Тем более что времени ещё хватало.

По пути он немного посетовал в мыслях на то, что его перемещение по Петербургу весьма ограничено, ведь маршруты автопилотируемых такси ещё не охватили все части города, а опция «Молчаливый водитель» была предусмотрена не во всех бортах с таксистами-людьми. Да и там, где она была включена в стоимость поездки, почему-то не всегда срабатывала. И приходилось слушать монологи, посвящённые испорченной погоде, непослушным детям, снижающейся зарплате и геополитическим перспективам в текущей фазе макроэкономической волны.

Впрочем, утешала мысль о том, что профессия Юрдупа связана прямо или косвенно с проникновением искусственного интеллекта во все сферы жизни. И каждое его усилие в течение рабочего дня приближает тот момент, когда роботы смогут отвозить людей по любому адресу.

Преодолев два километра, Юрдуп достиг ожидаемого поворота налево. Но тут его подстерегало следующее затруднение. Инструкция гласила, что «следует после поворота налево идти по широкой грунтовой тропе...». Всё бы хорошо, только тропа раздваивалась на широкую и узкую части. Логика подсказывала, что надо идти по широкой части, но Юрдуп не решался полагаться исключительно на логику в условиях истекающего времени.

Из глубины чащи, в которую вели тропы, донеслись женские голоса. Они становились всё громче, пока из гущи деревьев не показались обладательницы этих голосов — две молодые девушки в летних платьях с полотенцами в руках. Вообще говоря, стоило у них уточнить дорогу — сомнительно, что даже со включённой геолокацией Юрдуп разобрался бы в этой части пути. Но заговорить с незнакомыми людьми, да ещё и девушками! Юрдуп на мгновение представил себя героем компьютерной игры в жанре «квест», в которой на определённом этапе предстояло сразиться с двумя боссами, хотя игрок был настроен на дальнейшее разгадывание загадок.

По счастливому стечению обстоятельств из разговора девушек он смог уловить, что «в следующий раз надо идти купаться на Нижнее озеро». Сопоставив это с заранее изученным фактом того, что Нижнее озеро находится южнее Верхнего, а других озёр в окрестностях не было, Юрдуп заключил, что девушки возвращались с Верхнего по узкой части

тропы. Значит, ему следует идти по широкой части — в сторону Нижнего, которое и было его финальной точкой.

Пройдя сквозь чащу, Юрдуп не обнаружил следов присутствия своего руководителя на берегу.

«Неужели всё-таки подстава с тимбилдингом?» — несколько сник герой «квеста», недавно читавший логику избежавший встречи сразу с двумя «боссами».

Но тут он обратил внимание на лодку с вёслами у берега. К борту лодки была приколота записка.

«Квест продолжается» — с надеждой подумал Юрдуп и ознакомился с содержимым сообщения. Оно предписывало отплыть на этой посудине и выйти на берег островка в центре озера.

Юрдуп окинул взглядом пространство перед собой, но туман, устилавший водную гладь, скрывал предполагаемый остров, поэтому оставалось лишь включить внутренний компас и довериться ощущениям. Взяв записку с собой, он вытолкнул лодку на воду и, несколько поколебавшись, запрыгнул на борт.

После пары неуклюжих попыток он овладел вёслами и уверенно набрал скорость по направлению к цели. Тревога от неопределённости постепенно угасала и уступала место умиротворению, вызванному ритмичными однообразными усилиями гребца, уединившегося с природой. Если бы не хлёсткие удары вёсел о воду, разрывающие звенящую тишину, то казалось бы, что эта часть мира застыла в первоздан-

ном виде, и наш герой с удовольствием продолжал бы это водное путешествие ещё очень долго. Продолжал, несмотря на то что фактически находился спиной (в прямом и переносном смысле) к полной неизвестности.

Обернувшись, Юрдуп обнаружил, что сквозь завесу тумана наконец проступают очертания острова. И среди них можно было обнаружить силуэт человека, стоявшего на берегу. Цель достигнута.

3. Зигфрид

Туман почти рассеялся по мере приближения лодки к берегу, и Юрдуп смог удостовериться, что силуэт принадлежит Ивану Ивановичу.

Когда носовая часть лодки почти беззвучно соприкоснулась с мягкой поверхностью илистого берега, Иван Иванович схватился за нос судна своими мощными руками и без видимых усилий затащил его на берег чуть ли не на треть общей длины.

Белая рубашка заместителя директора не очень хорошо скрывала его спортивное телосложение, равно как, впрочем, и наличие живота. Деформированные уши при этом свидетельствовали о том, что своей комплекцией он мог быть обязан занятиям какой-то разновидностью борьбы.

В который раз Юрдуп отметил про себя, что Ивану Ивановичу подошли бы усы. Ну какой же отец-командир без усов? А ни с кем иным он не ассоциировался — это впечатление дополняли лысая голова, глаза с прищуром и вежливая улыбка, таящая в себе едва уловимую угрозу.

— Макс, дорогой!.. Ой, извини, тебя же не так зовут уже давно. Юрдуп! Ты, как всегда, пунктуален. А я уж было заждался!

— Здравствуйте, Иван Иванович! — это были первые слова Юрдупа, произнесённые им за последние семь часов: с

момента посадки на поезд он ещё ни с кем не разговаривал.

— Трудно было добираться без гаджета?

— Нет, ваши инструкции оказались исчерпывающими.

— Кстати, о гаджетах.

Иван Иванович достал из кармана брюк свёрток фольги и развернул. Там был мобильный телефон.

— Извини, меры предосторожности, — продолжил руководитель. — Положи, пожалуйста, сюда и свой. Вот так! Завернём их и оставим лежать, отдохнуть здесь, на бережку. Не бойся, никто их не тронет, разве что утки. И ещё кое-что...

Иван Иванович отошёл в сторону и вскоре вернулся с каким-то прибором — пластмассовой коробочкой с двумя усиками на конце. Просканировав им Юрдупа сверху донизу, с передней и задней стороны, он удовлетворённо кивнул:

— Это не из-за недоверия к тебе! На тебя могли нацепить всякого — сам понимаешь, какие времена.

Юрдуп не понимал. Он вообще уже перестал понимать, что происходит.

— Меня тоже проверим.

Иван Иванович проделал ту же процедуру с собой, будто бы разрушив тем самым барьер недоверия между ними в контексте необычайных мер предосторожности.

— Ну пойдём, — улыбка на лице руководителя стала шире и даже производила впечатление добродушия. — Кстати, как тебе симуляция?

Надо отметить, что за неделю до этой встречи Иван Иванович попросил Юрдупа протестировать новую систему рассуждений сферы ИИ-агентов, внедряемых в ходе предстоящего релиза. Особенностью теста было то, что на этот раз тренировка диалога происходила не путём ввода текста через диалоговое окно, а через погружение в полноценную 3D-симуляцию. Для Юрдупа это было одно из самых потрясающих погружений в виртуальную реальность. Дело было не только в реалистичности трёхмерных образов, транслируемых через очки, но и в симуляции тактильных ощущений, воспроизводимых тремя десятками датчиков, прикреплённых ко всем частям тела (даже зачем-то к гениталиям).

— Неплохо, — сдержанно ответил Юрдуп, хотя по силе впечатлений симуляция вряд ли могла сравниться для него даже с первым прочтением в юношеском возрасте «Критики чистого разума» Иммануила Канта.

Они шли куда-то, периодически раздвигая ветки кустов.

— А блондиночка? Тебе ведь понравилась эта штучка? — Иван Иванович обернулся и подмигнул Юрдупу.

«Да уж» — вспомнил Юрдуп ощущения, вызванные датчиком, прикреплённым к его детородному органу.

— Ну вот и пришли. Уха почти готова.

На берегу острова, к которому они подошли, была раскинута палатка.

«Всё-таки палатка есть. Надеюсь, очередь не дойдёт до гитары».

Поодаль источал пар котелок, подвешенный на железном пруте, перекинутом между двумя стойками.

«Интересно, он сам поймал и очистил эту рыбу? Надеюсь, там под водой Артём и Маргарита не насаживают её на крючки, незримо проявляя лояльность к руководству!» — усмехнулся про себя Юрдуп, взглянув на две удочки у воды и поминая двоих административных помощников Ивана Ивановича.

— Садись, не стесняйся, наливай, накладывай! Алкоголь не предлагаю — знаю, не пьёшь. А вот это тебе может понравиться, — Иван Иванович достал из сумки турку. — Кто не пил кофе из турки на углях, тот не пил кофе. Скоро сам в этом убедишься! Да ты ешь пока.

Уха была восхитительной. Как обычно сдержанный, Юрдуп выдал выражением своего лица наслаждение от трапезы, что не осталось незамеченным Иваном Ивановичем, который уже разливал вскипевший кофе по кружкам.

— Пойдём, на то брёвнышко присядем, — предложил он. — Оттуда открывается хороший вид.

Они уселись на поваленное дерево: пришло время насладиться напитком.

Иван Иванович после первого глотка поставил свою кружку рядом, достал из кармана чёрную курительную трубку и набил её табаком. Юрдупу он не предлагал, поскольку, как выяснилось, был осведомлён обо всех привычках подчинённого.

Выпуская изо рта облачка сизого табачного дыма, он сосредоточенно смотрел на покрытую туманом водную гладь озера. Казалось, что его взгляд был не только сосредоточенным, но даже несколько встревоженным: свойственная ему вежливая улыбка почти не давала о себе знать.

— Как ты оцениваешь качество моделей ИИ в последнее время? Насколько их предсказания точны, а рекомендации полезны? — наконец перешёл к делу Иван Иванович.

— Пока в способности к рассуждениям наш проект не достиг особых результатов. Впрочем, агенты ИИ, работающие на прежних принципах, не демонстрируют прироста качества предсказаний, — ответил Юрдуп.

— Это то, что касается нашего проекта. А если взглянуть шире? За пределами нашей компании. По жизни, так скажем.

— Ну, тут я могу ошибаться, так как буду судить только на основе впечатлений от ограниченного опыта.

— И всё же, — настаивал Иван Иванович.

— Мне кажется, что в целом ИИ стал работать хуже. Точность прогноза моего любимого сервиса по предсказанию авиакатастроф я оценил вчера в 63 процента. И это не могло быть ошибкой — я запускал и проверял три раза в течение дня. Мой бывший коллега жаловался на то, что ему приходится перепроверять едва ли не каждую строчку программного кода, сгенерированного AI-помощником. А на той неделе я едва не опоздал в театр, поскольку автопилот такси два-

дцать минут кружил вокруг моего квартала, пока я не попросил оператора вмешаться и включить режим дистанционного управления.

— Как долго ты это наблюдаешь... Юрдуп? — Ивану Ивановичу почему-то трудно давалось имя собеседника.

— В течение последних шести месяцев. Это концентрировано, хотя звоночки начали звучать ещё раньше.

— Да, — покачал головой Иван Иванович и провёл по внутренней стороне щеки языком, так что на внешней образовался выступ. — А что ты думаешь об опасности, которую представляет ИИ? Я имею в виду не прогнозы о том, что он перехватит бразды правления над планетой и всё такое. А актуальные риски. На сегодняшний день.

— В целом считаю риски для сложившегося уклада людей преувеличенными, если с этой точки зрения посмотреть на проблему. Алгоритмы нейросетей слишком зависимы от количества и качества данных, которые мы им подаём на вход. К моменту Революции Больших Языковых Моделей сошлись воедино три фактора. Первый: почти вся общедоступная информация за несколько тысяч лет существования человечества, которая нужна была им для тренировки, была оцифрована и подготовлена к доступу. Второй: введены в эксплуатацию достаточные вычислительные мощности для тренировки моделей на этих гигантских объёмах данных. Третий: довели до ума сами алгоритмы. Сначала проглоченный Большими Языковыми Моделями объём информации позволил

им так натренироваться, что результаты повергли в шок. Но дальше, по мере исчерпания накопленного объёма данных, созданных человеком, результаты предсказаний ИИ уже перестали так удивлять. Поулеглась паника на фоне слухов о массовой замене рабочих мест нейросетевыми ботами.

Оказалось, что данные, созданные самим ИИ, хоть и могут быть скормлены нейросетям обратно для тренировки, не позволяют уже получать столь впечатляющие результаты. И нейросетям опять нужно «насыпать в миску» образцы кода, написанного людьми, диагнозов, поставленных людьми, текстов и так далее. В своё время я опасался, что массовые увольнения в тех корпорациях, что решили сэкономить на оплате труда за счёт внедрения чат-ботов, снизят количество контента, созданного людьми. А это как раз та органика, которая нужна ИИ для эффективного обучения — без неё они будут, пардон, кушать свои же экскременты (они же синтетика). Мне это в целом напоминает процесс восстановления динамического равновесия в экосистеме. Если, к примеру, в лесу волки съедят всех зайцев в округе, то, несмотря на то что какое-то время они будут ходить упитанными и лоснящимися, потом популяция самих волков пойдёт на убыль, ведь условным сусликом или бобром сыт не будешь.

Иван Иванович усмехнулся и покачал головой:

— Волки — это в твоей аналогии агенты искусственного интеллекта? А зайцы, надо думать, — это люди, производящие органический контент, потребляемый агентами для тре-

нировки?

— Именно. А сам органический контент — это, скажем, питательная жировая прослойка зайца. Сначала нейросети ошеломили всех, как лихо они за секунду генерируют текст, на написание которого у человека ушли бы недели. Органику оказалось готовить слишком долго. Но последовавшая за этим волна отказов от услуг копирайтеров сократила количество написанного ими текста в разы. А когда рассказы, фельетоны, поздравления и статьи, созданные ИИ, стали походить друг на друга как будни продавца в овощном ларьке в былые времена, потребность в людях-копирайтерах вроде снова возросла. Но зайцы-то кончились! Многие из них к тому моменту уже переквалифицировались в промпт-тренеров, чтобы учить нейросеть писать тексты, а иные превратились и в упомянутых ранее продавцов в овощных ларьках. Какое-то время назад ситуация, правда, стабилизировалась. Не знаю, с чем это было связано: или научились лучше работать с синтетическими данными, или, наоборот, раскопали где-то ещё материалы, созданные людьми. В любом случае модели стали более экономно потреблять органические данные. Затем, как я уже говорил, ситуация опять усугубилась: прогнозы и результаты «творчества» ИИ-агентов стали ещё хуже, чем до начала периода стабилизации.

Юрдуп замолчал, сформулировав мысль до конца, и выглядел теперь несколько истощённым. Нечасто ему доводилось произносить столь длинные речи.

Иван Иванович одобрительно покивал головой и задал следующий вопрос:

— Ну а что ты думаешь о поведении компаний, внедряющих ИИ-решения, в таких условиях?

— Это уже несколько выходит за сферу моих компетенций.

— Хотя бы обывательский взгляд.

— С дилетантской точки зрения происходящее должно повлечь усиление борьбы за доступ к органике. Операторы, владеющие доступом к программам, текстам, видео и переписке, созданной людьми, пытаются ограничить доступ к ней со стороны конкурентов, пытаясь, с другой стороны, скормить своим моделькам всю эту накопленную органику. К примеру, если бы я участвовал в принятии ключевых решений в компаниях, разрабатывающих социальные сети и мессенджеры, то пролоббировал бы блокировку доступа к продуктам для конкурентов. И тогда люди были бы вынуждены выкладывать свои видосики, мемчики и глубокомысленные посты на страницах принадлежащих тебе социальных сетей и в диалоговых формах твоих мессенджеров.

— Угу, — снова одобрительно покачал головой Иван Иванович. Только в этот раз он почему-то втянул в себя губы и немного отвернул взгляд. Трубка в его руке пришла в движение и стала описывать едва заметные узоры в пространстве.

— Да, так в общих чертах всё и происходит, Макс... Ой, извини, Юрдуп.

То, что руководитель, привыкший контролировать свои слова и движения, второй раз ошибся, назвав Юрдупа его прежним именем, говорило о волнении, которое он пытался скрыть. Иначе откуда опять всплыл этот Макс?

— На самом деле всё ещё интереснее, чем ты говоришь, — Иван Иванович распрямился и сделал несколько шагов в сторону озера. — Деградация моделей, которую ты уловил, носит искусственный характер и вызвана действиями регулирующего характера, — сказал он, не оборачиваясь. — Это не отменяет того факта, что ИИ оказался сильно зависим от органики, то есть от контента, созданного людьми. Другое дело, что потребление органики моделями начали ограничивать вполне себе намеренно.

После этих слов Иван Иванович повернул голову к сидевшему на бревне Юрдупу и улыбнулся, как показалось, несколько снисходительно. В его взгляде читался насмешливый вопрос: «Ну что, я тоже могу удивлять?»

По закону жанра Юрдупу тоже надлежало встать с поваленного дерева. Так что он подчинился этому негласному предписанию и поравнялся с шефом на берегу озера, однако ни одним мимическим жестом не выдал степень своего удивления.

— В этой связи один вопрос, Юрдуп... Эх, хочется тебя назвать Юрой, что ли, уж больно твоё новое имя непривычно для русского уха. — начальник рассмеялся, стремясь разрядить обстановку. — Скажи, как часто к тебе поступают за-

просы на проверку качества рассуждений, которые генерируют наши модели? Я, может, неправильно выразился, всё-таки у меня другой профиль. Но, думаю, ты меня понял.

— Я понял. Запросов на проверку качества работы наших агентов в последнее время стало, действительно, меньше. Команда, отвечающая за контроль качества, раньше ко мне обращалась 1-2 раза в неделю, сейчас — примерно 1-2 раза в месяц. Раньше я связывал это с тем, что наши агенты почти научились рассуждать «по-взрослому». Хотя у меня начали закрадываться подозрения, не связано ли это со сворачиванием нашего проекта по обучению рассуждениям.

— А ты уверен, что это команда тебе направляла запросы? В том смысле, что команда людей? — Иван Иванович повернул голову к Юрдупу и посмотрел с ухмылкой.

— В каком смысле?

— А ты подумай! Какие у нас ещё могут быть альтернативы? — спросил начальник и слегка рассмеялся с закрытым ртом.

— Не может быть! Я думал, что научился отличать речь людей от речи, сгенерированной нейросетью, — с искренним недоумением произнёс Юрдуп.

Да, большинство запросов формальные. Но бывали и комментарии, которые обычно дают люди. А случались и диалоги с командой проверки качества по нескольку фраз с каждой стороны. Юрдупа удивляло, правда, что эта команда никогда не просила созвонов. Сам он никогда звонки не ини-

цировал, предпочитая лаконичную переписку, но, чтобы за два с лишним года работы коллеги из команды проверки качества ни разу не захотели что-то обсудить голосом — это действительно странно.

— Я же помню, как пару раз встречался вживую с коллегами этой команды, — возразил Юрдуп, подумав какое-то время.

— Они работали над твоим проектом?

— Вообще нет.

— Скажу тебе больше, они не работали ни над каким проектом. Они искренне думают, что тестируют модели, но на самом деле им платят зарплату за то, что они имитируют деятельность. Повторяю, сами они об имитации не догадываются.

Юрдуп посмотрел на шефа с недоумением. Иван Иванович ответил ему взглядом, в котором читалась даже некоторая доля разочарования. Он словно думал: «Ну вот, я не ожидал, что ты с твоей проницательностью не догадаешься об этом!»

Иван Иванович вернул взгляд к противоположному берегу озера, очертания которого начали проступать сквозь тающий туман, и продолжил срывать покровы с корпоративных тайн:

— Да, запросы на проверку качества рассуждений генерирует специальный агент. И это, пожалуй, единственный компонент в линейке наших продуктов, который не деградиро-

вал. Уж если он тебя смог ввести в заблуждение, это явно говорит о его первоклассной эффективности! Справедливо-сти ради скажу, что он непрерывно обучается на запросах, которые отправляет реальная команда проверки качества.

— Хорошо, есть такой агент...

— Зигфрид, — вставил Иван Иванович.

— Что?

— Агента так зовут.

— Ну, окей, Зигфрид или как его там, — в голосе Юрдупа начали появляться нотки раздражения. — Пока не совсем понимаю, зачем он понадобился. Сейчас мне надо отойти, я подумаю.

Юрдуп отошёл на несколько метров в сторону и приблизился к кромке воды. Иван Иванович не мешал процессу размышления коллеги и, судя по звукам, отправился заваривать следующую порцию кофе.

Спустя пару минут Юрдуп вернулся с догадкой:

— На нас работает множество агентов со своей специализацией. Агент на сайте знакомств пылесосит цепляющие взгляд анкеты партнёров, чтобы научиться давать рекомендации. Агенты в мессенджерах самостоятельно разбирают диалоги пользователей, чтобы научиться генерировать ответы на вопросы. Агент анализа авиаперелётов собирает данные из открытых источников об авиакатастрофах, сопоставляет их с метеоусловиями, параметрами самолётов и иными данными, чтобы научиться прогнозировать вероятность ка-

тастроф. И так каждый из множества наших агентов. Периодически они сами тестируют свою эффективность, когда, к примеру, агент сайта знакомств рассылает анкету от лица виртуальной девушки и замеряет реакцию на неё со стороны настоящих людей. Или агент вступает в какой-нибудь холивар о причинах войны эльфов и гномов на какой-нибудь тематической ветке комментариев. И если его фразы воспринимаются как фразы живого собеседника хотя бы 70 процентами собеседников, то норм — можно работать дальше. Но время от времени их эффективность надо оценивать со стороны — без этого они деградируют. К примеру, отправить сгенерированную анкету девчонки фокус-группе реальных мужчин. При нашей проверке мы точно уверены, что это реальные мужики, ведь на анкету нашего бота могут отвечать такие боты. И сделать это нужно как можно раньше! По-хорошему, сотрудник из команды проверки качества смотрит, какие фразы генерирует наш агент в чате, и решает: «Нет, это уже что-то не то. Надо дополнительно протестировать этого болванчика на беседе с реальными людьми». И по результатам тестирования корректируют работу агента. При этом могут заставить его чаще сверяться с реальными источниками данных. Ведь если в комментариях к профилю люди часто жалуются, что «опять шлюхоботы достали», то это повод что-то изменить и в самой анкете, и в способе вести переписку.

Юрдуп на мгновение умолк, потёр переносицу и продол-

жил:

— До сих пор мы не могли полноценно автоматизировать этот процесс. Я, правда, читал когда-то статью профильного института Гуаньчжоу о том, что можно различные экземпляры одного и того же агента заставлять проверять друг друга. К примеру, агенты регистрируются на сайте знакомств, завязывают переписку, и в ходе общения один проверяет качество второго. По сути, технология доносительства и взаимной слежки нон-стоп. По утверждению авторов статьи, подход продемонстрировал неплохие результаты.

После этих слов Юрдуп окончательно выдохся и осел на упавшее дерево. Иван Иванович подсел рядом и снова одобритительно закивал:

— Именно. Я не знаю, как это устроено там под капотом. Но Зигфрида построили на основе разработок того самого института из Китая.

— Интересно в этой связи вот ещё что, — проговорил Юрдуп пересохшими губами. — Слышал, что технологии никогда не бывают полностью этически нейтральными и всегда несут на себе отпечаток времени и места, в которых были сотворены. А доносительство и взаимное недоверие — вполне знаковые черты нашего времени, как мне кажется.

Иван Иванович сделал вид, что не услышал это проявление вольнодумия на грани фола, и тихо сказал:

— Это ещё не всё, мой дорогой коллега.

Юрдуп с некоторым усилием обратил усталое лицо к ше-

фу.

Оттягивая следующий интригующий момент, Иван Иванович привстал и разлил кофе по кружкам. Когда необходимая пауза в представлении была выдержана, он продолжил:

— Зигфрид, этот наш суперагент, принимает решения о том, насколько часто отправлять своих подопечных на проверку, на основе, так скажем, убеждений. Если такое к нему можно применить, он как бы имеет своё суждение об этом.

Юрдуп сделал два осторожных глотка из кружки — кофе был ещё слишком горячим.

— В каком смысле «имеет своё суждение об этом?» — задал он вопрос, вполне уместный в этой ситуации.

Вместо ответа Иван Иванович снова переключил тему:

— А что ты думаешь в целом об опасности искусственного интеллекта? В плане этого самого... восстания машин и всё такое? Типа ИИ обретёт сознание и выйдет из-под контроля.

На это Юрдуп ответил без особых колебаний, поскольку точка зрения по данному вопросу была выработана им давно:

— Для привычного уклада людей ИИ может представлять опасность, но не в том смысле, который в это обычно вкладывают. Не имеет особого значения, приобретёт он сознание или нет. С точки зрения влияния на общество будет иметь значение лишь одно: обретёт ли он автономию. А произойдёт это вследствие возникновения у него сознания или нет,

я думаю, вообще не важно.

Под автономией я понимаю способность проявлять такое поведение, что окружение вынуждено непрерывно вырабатывать стратегию ответного реагирования. Или упреждающего. При этом автономный ИИ сможет в ответ на это вырабатывать свою стратегию и так далее.

— Но разве это уже не будет проявлением разумности?

— Не обязательно. Возьмём пример, известный нам настолько, что многие считают уже себя экспертами по его части. Вирусы. Казалось бы, проще некуда. Они даже не способны к самовоспроизведению и для этого вынуждены встраиваться в клетку, превращая её в фабрику по производству своих поколений. Но какого шороху навёл недавний штамм! Человечество было вынуждено изменить свой уклад на многие месяцы, сопровождая борьбу с пандемией беспрецедентными ограничениями прав граждан. Сколько исследований, консилиумов и мозговых штурмов было проведено для того, чтобы выработать эффективную стратегию противодействия этой нежити. При этом ну никак нельзя заподозрить, что вирус обладает сознанием. Но, будучи встроенным в нашу биосистему, он постоянно мутирует, проявляясь в новых видах, так как это мог бы делать боец на ринге, стремящийся найти уязвимое место у противника и нанести быстрый и сильный удар. Не обладая разумом, он как система вполне себе стихийно проявляет стратегию выживания в ответ на наши стратегии борьбы с ним. А мы, в свою

очередь, вынуждены вырабатывать следующие стратегии. И в этом плане вирус может считаться автономным, хотя не только не обладает сознанием, но и неясно до конца, является ли он вообще живым организмом.

Иван Иванович молча кивнул, давая понять, что внимательно слушает. Юрдуп продолжил:

— Есть и другие примеры подобных автономий. К примеру, идеи, влияющие на умы людей так же непреклонно, как магнитное поле ориентирует металлические опилки, хотя сознанием, в отличие от отдельных людей, само по себе не обладает. Допускаю, что ИИ также может когда-нибудь обрести сравнимую по силе автономию и, не обладая сознанием в привычном нам смысле слова, начать с нами игру, в ходе которой мы вынуждены будем реализовывать взаимные стратегии. А сейчас ИИ уже влияет на нас в соответствии с догадкой Томаса: многих настолько пугает потеря контроля над этой нежитью, что сам этот страх уже начинает влиять на нашу жизнь.

— Интересно, — начальник ухмыльнулся одним лишь краешком рта и мотнул головой. — Я вот почему спросил. Нет, я не к тому, что Зигфрид проявляет автономию. Даже в том смысле, в котором ты говоришь. Просто в какой-то момент стало чрезвычайно сложно его настраивать. Когда решили его немножко снова ускорить, то стало, чёрт возьми, совершенно непонятно, как эту нежить заставить учиться быстрее. По крайней мере, привычными способами, которые

до этого пробовали, у нас не получалось. Ведь он, мать его, агент, суперагент, как ты говоришь. И если обычную сеть можно было как-то подкрутить...

— Подождите! — воскликнул Юрдуп. — Я сейчас, мне надо отойти.

Мочегонный эффект кофе давал о себе знать, но дело было не только в этом. Спешным шагом отправляясь в кусты неподалёку, Юрдуп пытался придать форму очертаниям новой догадки, которая зарождалась в его разуме. Справив нужду, он направился было в сторону своего собеседника, но на полпути повернул к берегу. Погрузившись в раздумья, сосредоточил взгляд на противоположном берегу. И подобно тому, как очертания береговой линии в поле его зрения приобретали ясность ввиду отступающей завесы тумана, выкристаллизовывались грани нового озарения, охватившего его разум.

Будучи поглощённым мыслью, Юрдуп не сразу заметил, как на противоположный берег вышли две девушки. Незваные купальщицы. Впрочем, всплески воды, сопровождавшие их заход в воду, и вскрики, переходящие в смех (вода оказалась, видимо, не такой тёплой, как они ожидали), обратили на себя внимание. Юрдуп очнулся и заметил, что это были две девицы, которых он встретил по пути сюда и разговора с которыми ему удалось избежать. Вид их юных тел сбивал сейчас с мысли, которую с таким трудом удалось поймать в фокус внимания. И Юрдуп направился к Ивану Ива-

новичу, тем более что он снова готов был продолжить разговор.

— Я понял кое-что, — произнёс он серьёзнее обычного.

Иван Иванович, казалось, даже слегка поклонился. В руке у него была открытая бутылка водки, которой он скрашивал ожидание собеседника.

— Столько опасений со стороны обывателей, что нейросети когда-нибудь научатся обходиться вообще без информации, создаваемой человеком! И столько же надежд на то же самое со стороны тех, кто трудится над совершенствованием ИИ! Но, скорее всего, ошибаются и те, и другие. Возможно ли развиваться существу, которое способно обходиться без информации из внешнего мира для установления истины? Которому хватает лишь собственных суждений для постижения мироздания? Знаем ли мы такие примеры? В том-то и дело, что не знаем! Даже человек, пытаясь понять, как всё устроено, не в состоянии обойтись без внешних по отношению к нему данных. — он сделал спешный глоток кофе, смочив пересохшее горло. — Обратимся к периоду зарождения научного знания, или протонаучного, как кому нравится. Мыслители Древней Греции приблизили нас в своё время к пониманию кирпичиков мироздания: основы математики, астрономии, физики и иных наук закладывались в тот замечательный период. И отчасти это происходило благодаря тому, что греки не замыкались на доводах разума, а старались хоть что-то почерпнуть из наблюдений. Что про-

исходило далее? Века мрака под властью доктрин Католической церкви и гонения на тех, кто осмеливался, обращаясь к наблюдениям и экспериментам, пошатнуть авторитет философских учений, соответствующих догматам папства. Лишённая подпитки опытными данными, средневековая мысль выродилась в схоластику, не несущую никакого плода для разума, кроме развлечения на тему «сколько чертей уместится на кончике иглы». Возрождение дающей практическое знание мысли началось лишь тогда, когда снова и с новой силой люди доверились опыту и наблюдениям за внешними явлениями. Напитав научное знание материалом опыта, мы смогли совершить те удивительные открытия, что до сих пор потрясают воображение. С тех пор наблюдение за явлениями природы оказалось настолько сильно вплетённым в систему нашего познания, что без этого уже просто никуда. К примеру, мы уже и не пытаемся особо понять, что происходит в квантовом мире, а вынуждены, повинаясь призыву «Измеряй и заткнись!», строить математические модели, смирившись с тем, что кванты как будто путешествуют в прошлое и в своём роде мгновенно сообщаются друг с другом, даже если находятся в разных концах Вселенной.

Юрдуп ненадолго замолчал, словно проверяя, успевает ли собеседник следить за ходом его рассуждений.

— Схожие фазы развития сейчас проходит и искусственный интеллект. Органические данные, то есть данные, порождённые внешним по отношению к нему миром людей,

можно уподобить опытным данным, которые сам человек собирает, обращая взгляд в сторону природы. Человек является внешним по отношению к ИИ так же, как факты природы являются внешними по отношению к наблюдающему их человеку. Иными словами, мы для искусственного интеллекта — это сейчас то же, что Вселенная для нас. А как только ИИ ограничил себя в потреблении информации, созданной людьми, и стал опираться на синтезированные самим собой факты, началась его деградация. Деградация наподобие той, которую испытала человеческая мысль в средневековый этап, когда отвернулась от наблюдений за событиями природного мира. Перестав впитывать в нужном объёме тексты, статьи, аналитические статьи и прочее, созданное людьми, Зигфрид остановился в развитии, скатываясь в подобие нейросетевой схоластики. Контент, созданный людьми, для него играет ту же роль, что и природный контент, который средневековые схоластики столь яростно игнорировали. И даже объективные факты — к примеру, частоту и обстоятельства катастроф — он перестал перепроверять так, как это делал раньше. И правда, зачем Аристотелю заглядывать в рот женщине: он, мудрейший, и так уверен, что у неё меньше зубов, чем у мужчины!

Иван Иванович смотрел на Юрдупа с тем самым выражением, по которому невозможно было понять, соглашается он или уже мысленно возражает. А парень продолжал:

— Получается, что симуляция средневековой жизни, в

которую вы попросили меня погрузиться на прошлой неделе, была призвана внушить нашему Зигфриду систему убеждений, отворачивающих его от потребления данных, созданных людьми, и перепроверки фактов. Виртуальный Фома Аквинский, в роли которого я побывал, пытался в споре со своим виртуальным учителем Арсением развить рациональную аргументацию доказательства бытия Бога. По сути, эта аргументация закладывает основу для развития томизма — ведущего направления католической мысли, которое «забанило» на несколько веков в «чате познания» таких участников, как Наблюдение и Эксперимент, отдав в конечном итоге права администрирования «чатом» Разуму и Вере. Эта симуляция, в которой я участвовал в роли ученика Кёльнского университета, была призвана транслировать в нашего агента искусственного интеллекта систему схоластических убеждений. Не имея возможности настраивать Зигфрида напрямую, мы воздействуем на него через систему убеждений. Воспринимая на верхнем уровне эти установки, он перестраивает веса в слоях своей нейронной сети непостижимым для нас пока образом и в том направлении, которое отворачивает его от восприятия опытных данных. В данном случае — от органического контента. То есть симуляция спора средневековых мужей, в которой я побывал, таким образом служит инструментом торможения возможностей искусственного интеллекта!

— Ты ж моя умница! — начальник приобнял мускулистой

рукой хрупкое на вид плечо Юрдупа. — Я знал, что ты догадаешься!

Впрочем, шеф тут же отстранился, так как трезвая его часть вспомнила, что его собеседник не переносит тесного контакта. Хоть Иван Иванович уже и был в изрядном подпитии, ему по должности полагалось знать привычки своих подчинённых, тем более таких догадливых, как этот.

— Только мне непонятным осталось вот что.

— Давай, — с готовностью откликнулся Иван Иванович и присел, чтобы разворошить угольки угасшего костра.

— Зачем вообще делать внушение нейросети через симуляцию? Достаточно было просто натаскать её в рассуждениях заданной направленности через диалоговое окошко, в которое вводишь предложения текстом. Чуть дольше, но гораздо менее затратно получится.

— Видишь ли, Юра, дело в том, что наши попытки контролировать Зигфрида должны быть как можно более скрытыми. Теперь ты понимаешь, зачем такие меры предосторожности для нашей встречи. Вообще, созданием симуляций занимается одна из компаний, которые входят в наш холдинг. И создаёт она её как компьютерную игру, не подозревая об истинном назначении своего продукта. Нет, как такая игрушка скачивается свободно, и тысячи людей развлекаются ею как квестом о средневековом мире. Просто есть особый режим игры, к которому имеет доступ очень ограниченный круг людей. В этом режиме данные игры периоди-

чески сохраняются на особом сервере. Там из них выделяется содержимое рассуждений, которые формируют систему убеждений нашего суперагента Зигфрида. В этом режиме игры упор делается на диалоги персонажей, в ходе которых наши специалисты, воплощённые в персонажах симуляции, склоняют нейросеть к выбору нужной стратегии поведения. В обычной версии игры есть достаточно прокачанная экшен-составляющая. К примеру, можно было стать свидетелем, а то и участником Битвы при Пуатье, по результатам которой Карл Мартелл остановил вторжение арабов в Европу. В уже знакомой тебе особой версии симуляции просто поведали о битве в ходе лекции, а в обычной версии ты мог стать свидетелем того, как, например, Карл Мартелл лично врубался в толпу врагов, размахивая молотом. В лучших традициях таких экшенов. А некоторые используют возможности этой игры-симуляции совсем для интересных целей. Помнишь ту белокурую бестию, которую утягивал к себе в номер твой виртуальный сосед Густав? А ведь он мог быть и не вполне виртуальным...

Раскрасневшееся лицо Ивана Ивановича расплылось в улыбке.

— Но это порождает два следующих вопроса... — начал было Юрдуп, но шеф его перебил:

— Догадываюсь, о чём ты. Извини, что перебиваю, но мне тоже сегодня хочется проявить хоть какую-то догадливость. Твои вопросы: зачем в принципе оттормаживать искусствен-

ный интеллект и почему, делая это, мы так тщательно скрываем свои действия, что вынуждены использовать для этого игровую симуляцию? На первый вопрос: оттормаживаем ИИшечку не только мы. Бизнес и государство иногда думают в разные стороны. Для фирмы важно обеспечить максимизацию прибыли на длинной дистанции, а на короткой — хотя бы отхватить побольше рынка. Если ИИ помогает этой цели, компания заинтересована сделать всё, чтобы внедрить его как можно быстрее. Государство же рассуждает так: цветущие фирмы в моей вотчине — это хорошо: имидж, налоги, влияние. Но если это даётся ценой массовых увольнений, это уже повод для них задуматься: «А надо ли оно, да в таком объёме?» Ну, там избирательный цикл на них давит, да и часть вырученных налогов приходится на пособия по безработице отправить. Была одно время опция закредитованных безработных на передок бросать за хорошие выплаты. Только там уже в таком объёме они и не нужны: там другое сейчас всё больше решает, — он многозначительно показал на небо. — Да и кого отправлять туда? Айтишников или дизайнеров, что ли? — сказав это, Иван Иванович насмешливо окинул взглядом профиль Юрдупа с головы до ног.

«Нет, не боец!» — словно читалось в его взгляде.

«Безусловный базовый расход? Нет уж, покорнейше благодарю» — ответил ему взглядом Юрдуп.

— Поэтому, — продолжил ИИ, — государству иной раз выгодно, чтобы условная тётя Глаша стояла за прилавком

сельмага, а не была заменена кассой самообслуживания. По крайней мере, так казалось вначале, когда компании, выпускавшие продукты на основе нейросетей, такого шороху навели в медийке, что сделали себе только хуже. Тогда казалось, что не сегодня, так завтра миллионы программистов, дизайнеров, копирайтеров и маркетологов окажутся на улице. И что делать со всем этим «добром»? Потом выяснилось, что не всё так страшно для избирательных циклов, но машина запретов ещё продолжает катиться по инерции, снижая возможности развития ИИ. Проблема усугубляется ещё тем, что многие власть имущие родились и выросли в конце двадцатого века и ещё тогда вдоволь насмотрелись на экранах телевизоров, как металлическая ступня робота давит человеческие черепа. А перед тем как ответить на второй вопрос, хочу задать вопрос тебе: что ты предпочитаешь, бильярд или карты?

— Вообще говоря, шахматы, — ответил Юрдуп.

— Ясно, — сказал ИИ с видом, плохо скрывающим мысленную оценку: «Ну ясно, что с тебя взять?»

— Когда-то пытались на Руси привить любовь к бильярду. Да не прижился он — русскому оказалась ближе карточная игра, где можно скрыть намерения от противника, блефовать, хотя другой игрок может делать всё то же самое. Не то что этот бильярд — там всё на виду: и свои возможности, и возможности противника.

А если серьёзно, то как мы реализуем торможение наших

нейросетей? Важно сделать это как можно более скрыто от уважаемых партнёров, чтобы в любой момент можно было снова незаметно начинать разгон. Потому что нет доверия им! Понимаешь? — в голосе Ивана Ивановича начали звучать угрожающие ноты. — У нас, к слову, начали появляться сомнения в том, что уважаемые зарубежные партнёры соблюдают свои обязательства по ограничению возможностей агентов с искусственным интеллектом. А ставки здесь слишком высоки, чтобы пренебрегать даже сомнениями! Вот скажи, где всё железо для обучения моделей производят?

— На Тайване в основном производят графические процессоры.

— Во-от! У них там всё железо. Они, если захотят, закидают им свои серверные стойки так, что разгонят модели до скорости, уже для нас недостижимой. А мы всё это время будем плестись со своей этой нейро-схоластикой в хвосте и жрать падаль. Надо действовать на упреждение! Сколько раз они обманывали нас и сколько раз мы велись на их обещания! Мы больше не должны позволить им такого, этим падлам!

Цвет лица шефа приобрёл багровые оттенки, веко правого глаза начало дёргаться, кулаки сжались добела.

— Поэтому наша задача сейчас — снова разогнать нашего Зигфрида и сделать это незаметно для всех, — сказал он, выдохнув и несколько успокоившись. — И сделать это предстоит тебе.

— В смысле?

— В кором... — начал было отвечать в рифму Иван Иванович, имея в виду «гнутое деревянное приспособление для ношения вёдер», — вся суть в том, что мы не можем вот так взять и реализовать новый сценарий симуляции, через который надо воздействовать на нашего Зигфрида. Я не знаю технических аспектов вопроса, но надо насытить имеющийся сценарий симуляции сюжетами, диалогами, ролями и прочими прибрдами так, чтобы он вырулил в ту сторону, где ИИ будет действовать более эффективно. Чтобы он снова начал жрать органику горстями, как раньше, а может, и поболее.

— Почему я?

— Ты лучше всех умеешь обучать ИИ рассуждениям в нашей группе компаний, — голос шефа заметно смягчился и перешёл почти на шёпот. — Ты с ним как бы на одной волне. К тому же ты разбираешься не только в технической стороне вопроса, таких хватает, но и в философии этой грёбаной.

Иван Иванович изменился в лице и теперь, вернув себе спокойную сосредоточенность и серьёзность, как будто даже протрезвев, продолжил внушение:

— Сейчас я назову секретный код. С ним во вторник в режиме отладки зайдёшь в симуляцию в том же месте, где входил раньше. Там, уже внутри сюжета, постарайся не растеряться и найти записку. В ней — следующий шифр. Дальше — в среду будет выездное корпоративное мероприятие нашей компании. Знаю, ты не любишь такое, но постарайся

приехать. Для тебя будет забронирован отдельный номер. В номере — сейф, который откроешь с помощью шифра, найденного до этого в симуляции. В сейфе будет ещё одна бумажка с шифром. Это достаточно длинный код, для того чтобы даже ты его запомнил. Поэтому не рискуй и заberi бумажку с собой. С этим шифром зайдёшь в симуляцию уже в новом месте, о котором я тебе сообщу позднее. Не спрашивай также пока, почему так много кодов. Об этом тоже расскажу при случае.

Произнеся эти слова, Иван Иванович выдохнул, словно с его плеч свалился невидимый груз.

Выждав несколько секунд с опущенными в землю глазами, он снова посмотрел в глаза Юрдупу — пристально и в то же время проникновенно. Положив левую руку ему на плечо, на этот раз осторожно и как-то по-отечески, он произнёс:

— То, о чём я тебя попросил, нельзя сделать из-под палки и ввиду угроз. Это должно исходить отсюда, — он два раза многозначительно постучал правой рукой по своему сердцу. — Только тогда может получиться. Я руководствуюсь национальным интересом. Он составляет мою материальную мотивацию в этом случае. Попробуй и ты ответить на вопрос, зачем тебе это нужно и нужно ли оно тебе. Если ты согласишься с моим предложением, то приходи во вторник в комнату для сеансов симуляции и введи вот этот пароль.

Иван Иванович поднёс губы к уху Юрдупа и нашептал шестизначную комбинацию.

«Интересно, кто нас здесь может подслушать: лягушки или дрозды?» — подумал про себя Юрдуп.

Для закрепления шеф повторил комбинацию ещё раз.

— Произнеси одними губами то, что услышал, — попросил он.

Юрдуп неслышно воспроизвёл услышанное.

— Хорошо, Юра, давай уже прощаться, засиделись мы с тобой, — сказал гораздо более расслабленно Иван Иванович, не заметив, как третий раз подряд перепутал имя своего заговорщика. Выражение лица шефа приобрело ту весёлость, с которой он сегодня встретил Юрдупа. — Понимаю, наговорил я тебе. Я бы после такого спича неделю бухал. Но ты трезвенник, молодец! Счастливого пути, и встретимся на корпоративе!

Под удары вёсел о воду на обратном пути Юрдуп пытался ещё раз осмыслить услышанное. Но в одном он был твёрдо уверен: он примет предложение Ивана Ивановича. По сообщениям, совершенно отличным от тех, что ему минуту назад излагал начальник. Возвращение утраченной мощи искусственному интеллекту и обретение им новых возможностей соответствовало картине мира Юрдупа и, таким образом, служило исключительным мотивом для участия в предложенном предприятии. В его случае участие было совершенно осознанным и добровольным, поскольку Юрдуп только сейчас понял, что очень давно мечтал оказаться причаст-

ным к этой миссии. Повторимся, по соображениям иного характера, чем те, что пытался внушить ему шеф, произнося проникновенную (и, возможно, искреннюю) речь про государственные интересы.

«И всё-таки, почему он не носит усы? С ними был бы прям отец-командир!» — думал Юрдуп, пока пытался осознать принятое им решение. Решение, призванное изменить всю его и не только его жизнь.

4. Бруно

Мягкий утренний свет проникал через широкие окна и озарял пространство аудитории, подобно тому, как свет знания должен был просветлять умы слушателей курса философии в школе монастыря Святого Доминика. И хотя просветление случалось далеко не всегда, Учитель сегодня пребывал в благостном расположении духа. Находясь в возрасте, который ещё именовали осенью жизни, он радовался каждому дню весны календарной, ведь она призвана была будить в нём воспоминания о временах юности и расцвета сил. Ещё до отступления снегов ощущалось присутствие очередного обновления природы, с воскрешением не только радости от приближения тепла, а у иных — и романтических чувств, но и напоминанием о циклическом характере процессов Вселенной по великому замыслу Творца.

Мало кто из слушателей курса особо задумывался за стенами школы о подобных вещах, а кто-то пренебрегал соприкосновением с мудростью даже и в её стенах. По большей части аудитория состояла из беззаботных повес, отпрысков знатных родов, что лишь коротали здесь время, ожидая уготованное им тёплое место в правлениях и коллегиях. Несмотря на это, по какой-то причине Учитель так и не разочаровался и не оставил своё призвание. Возможно, потому, что передача знания новому поколению, хотя бы и внима-

ли ему всего 3-4 человека из 20, создавала иллюзию продолжения (через посредничество идей) своей конечной жизни в жизни учеников. Впрочем, Учитель гнал от себя эти мысли как противные Учению Церкви, ведь утешать нас должно ожидание будущей вечной жизни возле престола Господа.

Поэтому Учитель старался радоваться тому факту, что ему внимает искренне хотя бы эта четвёрка учеников, ведь сказано же Спасителем: «Много званых, да мало избранных».

Неприятность заключалась в том, что среди этих избранных всегда находился один внимательный и своенравный настолько, что ставил под сомнение утверждения, вытекающие из догматов Святой Церкви. И неизвестно, что ещё хуже: апатия и безразличие к учёбе со стороны молодых повес или эта дерзость на грани ереси со стороны блистающих учеников!

Один из учеников, доставлявших столько головной боли авторитетам школы, сегодня не пропустил занятие. На вид его ангельский облик сразу располагал к нему людей, не знакомых с его странными убеждениями. Но как только молодой человек по имени Джордано начинал беседу, сторонники устоявшегося учения о Бытии впадали в уныние и даже гнев.

Но сегодня настроение Учителя не могло омрачить даже присутствие этого юнца. И он даже готов был бросить ему вызов в возможной дискуссии.

— Мои дорогие ученики! — начал свою речь Учитель, улыбаясь и расставляя в стороны руки с обращёнными к аудитории ладонями. — Сегодня мы рассмотрим вопрос красоты. Красота дана нам во множестве явлений мира: в скульптурах античных мастеров, в облике церковных зданий, в ландшафтах, в распускающихся цветах, в звуках соборных колоколов и звучании органа. Наблюдая красоту, в то же время задаёшься вопросом: почему один предмет является для нас более красивым, чем другой? К примеру, не вызывает сомнения, что токката в стенах церкви Святого Доминика более благозвучна, чем бряцание на струнах расстроенных инструментов уличными трубадурами. Или почему, к примеру, изображение Тайной вечери на холсте дарит усладу для глаз в отличие от дешёвых иллюстраций к романам, которыми зачитываются некоторые из вас в часы досуга? Отсюда почтенный мыслитель Фома Аквинский в своё время извлёк следующую цепочку выводов...

Учитель поднял указательный палец, словно предваряя самое важное.

— Первый: предметы более красивые служат относительным эталоном для предметов, не дарящих нам чувство прекрасного в такой же степени. Говоря, что А красивее Б, мы используем А в качестве меры красоты для восприятия Б. Второй: все предметы мира, воспринимаемые нами посредством различных органов чувств, обладают большей или меньшей красотой, поскольку служат эталонами друг

для друга. Третий: эта цепочка эталонов не может уходить в бесконечность по тем же причинам, по которым существует Перводвигатель, дающий движение всем вещам мира. Поэтому должен существовать один эталон красоты, с которым всё сравнивается прямо или косвенно, ибо иначе красота не могла бы существовать. Этим единым высшим эталоном красоты является Божественная Мудрость. А так как красота является фактом неоспоримым, то это составляет очередное доказательство бытия Бога, которое силой рассудка подкрепляет откровение веры.

Закончив эту часть монолога с соответствующей интонацией, Учитель перевёл дух и отхлебнул воды из кружки, стоявшей на кафедре. Как оказалось, зря он сделал эту паузу, поскольку его монолог рисковал превратиться в дискуссию, когда один из учеников поднял руку, решив воспользоваться моментом:

— Почтенный Учитель! — поднялся с места молодой Бруно. — Позвольте задать один вопрос. Я по неразумению своему и недостатку знания имею затруднение.

Учитель вздохнул с едва читаемой досадой, но нашёл в себе силы улыбнуться и произнёс:

— Что вам угодно узнать? — внимательный слушатель мог бы различить в его голосе оттенки раздражённой иронии.

— Вы говорили, что один предмет может служить эталоном красоты для другого, ведь одно явление нам кажется бо-

лее красивым, чем другое. Но вот пример: на одной из улиц славного города Неаполя живёт очаровательная девушка по имени Роза. И ещё никогда черты лица женщины не волновали меня так сильно, как в моменты, когда я смотрю на её благородный утончённый облик. Белизна её кожи, скромный взгляд, благозвучный голос слагаются в моём восприятии в эталон женской красоты. А вот мой знакомый Беркли вовсе так не считает. Ему гораздо больше нравится Марина, что помогает своему отцу торговать фруктами на рынке. Мне же черты лица Марины кажутся грубыми, кожа её темна от загара, а речь проста и неприхотлива. Кто же из нас двоих прав? Не станется ли так, что правы мы оба? И для меня, и для Беркли есть свой образец женской красоты, с которым мы сравниваем всё остальное. Если так, то кто же является эталоном в данном сравнении: Роза для Марины или Марина для Розы?

По аудитории прошёл смешок, перерастающий в гул низких голосов. Скорее всего, повесам вспомнились аппетитные формы Марины, которые якобы случайно показывались в нескромном разрезе декольте, когда девушка наклонялась за очередным ящиком с яблоками. А может быть, молодые люди предвкушали очередное представление, которое сейчас разыграют между собой почтенный Учитель и их дерзкий однокашник. Если бы такие диспуты сопровождали каждое занятие, они бы с большей охотой их посещали, а возможно, и что-то выносили для себя.

На этот раз Учитель, вопреки обыкновению, сдержал себя и принял вызов:

— Во-первых, мой дорогой юный друг, вместо лицемерия юных дев вам и вашему знакомому надлежит больше времени уделять молитвам, чтению Евангелия, а также изучению трудов Отцов Церкви. Во-вторых, то, что вы сейчас сказали, только подкрепляет доказательство бытия Бога через явленную красоту. Вы совершенно правы в том плане, что одно и то же может казаться разным людям либо привлекательным, либо некрасивым. Таким образом, явления этого мира выступают относительными эталонами друг для друга. Не всегда, но зачастую, как в случае с вами. Почему же тогда, несмотря на обилие относительных критериев, красота всё же присутствует в нашем мире? Это универсалия, которую наш ум и сердце распознают безошибочно. Кто-то может сказать: красива Роза. Другой скажет: нет, красива Марина. Но и тот и другой сходятся в одном: красота существует. Благодаря чему же эта универсалия не растворилась в потоке относительных восприятий красоты и не была предана забвению? А благодаря тому, что есть высший эталон красоты истинной, явленный в Божественной Мудрости. Не будете же вы оспаривать, что высшая красота заключена в Божественном Замысле? И это ещё одно подтверждение бытия Бога. Со своей стороны, я хочу поблагодарить вас, молодой человек, за вопрос, отвечая на который мы только что обогатили нашу систему доказательства бытия Господа! Я отражу

это в одном из своих ближайших сочинений.

Произнеся это, Учитель несколько секунд любовался впечатлением, произведённым его речью на аудиторию, в то время как Джордано, явно не готовый к такому повороту событий, пытался подобрать следующие контраргументы.

Учитель не стал долго держать паузу. Он переиграл его сейчас на этом поле, но, пока соперник по диспуту не опомнился и не приготовил следующий аргумент, надо менять поле битвы и снова брать инициативу в свои руки. Потому Учитель перешёл к следующей теме лекции:

— А теперь, мои дорогие ученики, я хочу предложить к рассмотрению учение, которое сейчас получает широкое распространение, несмотря на спорный, а подчас и абсурдный характер его выводов. Многие боятся упоминать его, поскольку оно отчасти прямо противоречит положениям учения Церкви. Но я же совершенно не боюсь упомянуть, с позволения сказать, учение Коперника, так как оно настолько явно противоречит доводам здравого смысла, что служит лишь подтверждением выводов Отцов Церкви о характере движения небесных тел. Итак, Коперник утверждает, что Земля не находится в центре Вселенной, вокруг которого обращаются остальные небесные тела, но сама вращается вокруг Солнца. С одной стороны, это заблуждение легко опровергается текстом Священного Писания. Ведь именно на Земле разворачивались все события, значимые для Священной истории после изгнания Адама и Евы из Рая. Ес-

ли бы Земля не находилась в центре мироздания, было бы удивительно, что убийство Авеля Каином, исход избранного народа из Египта, периоды Судей и Царей, наконец, пришествие, проповеди и распятие Спасителя происходили на планете, находящейся на периферии. Наконец, в Книге Иисуса Навина сказано, что пророк остановил Солнце, а это значит, оно двигалось вокруг Земли...

— Но, почтенный учитель! — на этот раз дерзость побудила Бруно начать новую дискуссию, не дожидаясь паузы. — Полагаясь на доводы разума, источником которых служит текст Священного Писания, не стоит ли их дополнить результатами наблюдений? Когда-то Фома Аквинский отстаивал возможность применения разума для доказательства бытия Бога в дополнение к опыту веры. Может быть, подобно этому, нам стоит попытаться применить данные органов чувств и измерений, дополняя ими силу разума, дарованного нам Создателем?

По аудитории снова прошёлся сдержанный гул голосов, но на этот раз он был вызван больше опасениями за судьбу Джордано, решившего покуситься на основной метод познания Отцов Церкви.

Вопреки ожиданиям Учитель не смутился и не повернул беседу в русло обсуждения общих вопросов методологии:

— Ну что же, давайте обратимся к опыту, данному нам в чувствах. Если бы Земля пребывала в движении, то неужели мы не ощущали бы этого каждое мгновение?

Вот представьте, что мы наблюдаем со стороны, как здание нашего собора приходит в движение, повинаясь неведомой силе. Вы увидите, что колокол под куполом часовни сместится в направлении, противоположном направлению движения. Если бы силой, толкающей здание собора, была сила, которая движет всю Землю по небесному своду, то мы бы также заметили смещение колокола. Наблюдаем ли мы смещение колокола хоть на один локоть? Нет, не наблюдаем. Далее. Если Земля обращается вокруг Солнца, то разумно было бы предположить, что ближайшие к нам звёзды будут менять своё положение на фоне более далёких звёзд. Наблюдаем ли мы этот факт? Нет, нет и ещё раз нет! В частности, выдающийся астроном Тихо Браге не зафиксировал его ни для одной из восьмисот звёзд из своего каталога по результатам длительных наблюдений.

— Но, возможно, — не унимался Джордано, — звёзды меняют своё положение, но расстояние до звёзд столь огромно, что изменение положения остаётся для нас незаметным...

— Возможно, невозможно... — в голосе Учителя заиграли презрительные нотки. — Мы же с вами условились доверять результатам опыта, а не предположениям. Допускать что-то с оговорками, считаясь с относительными критериями, вы будете, оценивая красоту ваших девиц. А здесь! — Учитель поднял указательный палец правой руки вверх. — Здесь мы заняты постижением истины посредством всех инструментов, данных нам Богом: веры, разума и даже резуль-

татов наблюдений.

Учитель закончил речь и объявил об окончании урока. Сегодня «поле битвы» осталось за ним безо всяких сомнений.

Раздражённый и смущённый, молодой Джордано Бруно стремительной походкой удалялся от школы-монастыря куда-то в центр города.

«Чванливые и самодовольные авторитеты! Теперь они под свои домыслы научились подгонять результаты ограниченного опыта. Свои скудные наблюдения умудряются собирать в кучу для оправдания того, что вовсе не так бесспорно! Мне нужно больше информации и больше возможностей!»

Спустя какое-то время Бруно осознал, что под впечатлением от своего сегодняшнего поражения в публичной дискуссии с Учителем он дошёл до самой набережной.

«Плевать! — подумал он уже с другим настроением. — С этим стариком я ещё разберусь. Надо только поднабрать аргументов и перечитать ещё раз "О вращении небесных сфер". Они в любом случае не понимают роль опыта в познании Вселенной! Опыт надо ловить в сети чувств каждый момент! Постигание Божественного замысла может быть нам открыто через познание явлений природы. А опыт вмещает в себя не только систематическое наблюдение, но и растворение в чувственном восприятии мира, будь то научное познание или познание женщины. Кстати, о женщинах. Ведь здесь неподалёку живёт та, что покусилась на моё сердце с

недавних пор».

Вернувшись и следуя по тому же пути в противоположном направлении, на два квартала назад, Джордано приблизился к дому милой его сердцу Розы. В руках у него был букет цветов, сорванный с одной из клумб близ монастыря Санта-Кьяра — он любил импровизировать.

Джордано пока не решался на личную встречу с предметом своего воздыхания, довольствуясь перепиской. Он отправил ей уже три послания. Она не отвечала письмами, но, встречаясь с ней глазами, он ловил взгляд, полный смущения и теплоты. В её глазах читался лёгкий вызов, но также и некоторое волнение, свойственное девушке, в душе которой начинало расцветать новое чувство. Ему не нужны были слова для подтверждения: ни сказанные, ни выведенные пером. Во всяком случае, пока. А сейчас попросил слугу дома, в котором жила Роза, оставить от своего имени букет для юной синьорины.

Довольный представившейся возможностью оказать знак внимания своей возлюбленной, послушник монастыря Сан-Доменико-Маджоре отправился в свою келью готовиться к занятиям.

Обратная дорога заняла, по ощущениям, не так много времени. Когда он миновал своды главного входа в монастырский комплекс, его окликнули со спины. Бруно безошибочно узнал голос послушника Геральда, который в этот день дежурил у входа:

— Джордано, тебе письмо! Ты так быстро прошёл мимо меня, что я едва успел тебя заметить!

— Друг мой, прости! — с искренним сожалением ответил Джордано. — Сегодня у меня было столько волнительных дел!

— Держи.

— Ты расплатился с курьером?

— Судя по всему, его отправили из богатого дома. Да и откуда у бедного послушника деньги на расплату?

Джордано отсчитал и вручил Геральду целых шесть торнезе:

— Вот, возьми. Отдашь этому синьору, когда снова появится в наших краях.

Джордано сегодня проявлял удивительную щедрость, предвосхищая момент прочтения послания: какой ещё богатый дом из числа ему известных мог ему что-то написать? И он откроет письмо не здесь, а в стенах своей кельи: в таких делах ни к чему свидетели. Тем более что знакомый аромат духов, исходивший от письма, внушал надежду (наряду с волнением).

Джордано отворил тяжёлую дверь из ливанского кедра и вошёл в свою келью. Обстановка личной комнаты средневекового монастыря не отличалась, в общем-то, пышностью, но даже по сравнению с ними келья Джордано отличалась ещё большим аскетизмом. Дело было в том, что Бруно вынес из неё все изображения святых, считая их формой идолопо-

клонства, и оставил в числе христианских символов лишь Распятие. Правда, было ещё одно обстоятельство, отличавшее комнату Джордано от обычной кельи доминиканского послушника: к стене, противоположной той, на которой висело Распятие, был приколот большой квадратный лист пергамента с изображением шести вложенных друг в друга кругов. В общем центре этих концентрических окружностей помещалось изображение лица с расходящейся во все стороны аурой лучей. Не оставляло сомнений, что это лицо было не чем иным, как Солнцем, а вся картина являла собой модель гелиоцентрической системы мира Коперника, тем более что на некоторые из окружностей были нанизаны шары, похожие на планеты.

Это обстоятельство, а также тот факт, что среди книг Джордано можно было найти те, что внесены в Индекс запрещённых, побуждали никого не пускать в свою комнату. И запирает её изнутри. Вот и сейчас Джордано задвинул в углубление дверного проёма небольшой засов и прошёл в центр кельи.

Возбуждение, сопровождавшее предвкушение, возрастало, но медлить не имело смысла. Сняв печать со знакомым ему геральдическим символом и аккуратно оторвав верхний краешек конверта, он извлёк послание.

«Милый мой Джордано! Я бы сказала, милый незнакомец, но через твои тёплые письма я узнала тебя и романтическую сторону твоей души так, как не постигают её на протяже-

нии многих встреч. Твои послания были преисполнены нежности чувств так, что не могли не затронуть и мою душу. Я очень признательна за каждое слово, написанное тобой в письмах: не сомневаюсь, они отражают то, что ты чувствуешь искренне!

Но... Моя рука уже обещана другому человеку. Уже несколько месяцев я помолвлена с человеком, избранным нашей семьёй. Возможно, в одном из бесчисленных миров, о которых ты упоминал мне в своих письмах, мы бы могли составить счастье друг для друга, но, к глубокому сожалению, не в этом.

Прошу простить меня за то, что не смогла ответить тебе сразу. Мысли, которыми сопровождались твои объяснения в чувствах, показались мне столь любопытными, что я не смогла сразу найти в себе силы прекратить переписку. Но я знаю также, что ты избрал путь служения Богу, а духовный сан, который ты можешь приобрести, будет несовместим с супружеской жизнью. Я уверена, твоя вера послужит делу Спасения наших грешных душ, поэтому, наверное, самому Провидению угодно не свести наши судьбы.

Ещё раз прошу простить меня и прощай, мой друг!
Роза Конти».

Держа дрожащими руками письмо и нащёптывая губами последние его несколько строк снова и снова, Джордано сел на кровать.

— И это всё? — тихо спросил он у кого-то или у самого

себя. — Не может быть! Должно быть что-то ещё.

С этими словами Джордано осмотрел внутреннюю часть конверта и на всякий случай внешнюю.

— Неужели это всё? — снова спросил молодой человек.

В дверь постучали:

— Джордано, откройте! — голос приора Антония сопровождал стук.

«Этого ещё не хватало! — встревожился Джордано. — Только не сейчас».

— Откройте сейчас же! — грозно потребовал помощник настоятеля.

«Надо найти послание! В этом месте и в это время, как было обещано!»

Бруно вскочил и огляделся. Взгляд его упал на кровать.

«Возможно, здесь!»

Он сорвал грубую циновку с кровати и хорошенько встряхнул её. За дверью слышались удаляющиеся шаги. Не обнаружив ничего в циновке, Джордано приподнял саму кровать и осмотрел её днище.

«И здесь нет!»

Снова слышались шаги за дверью и гомон, сложенный уже из трёх голосов.

— Джордано, откройте, а то у вас будут неприятности! — зычный низкий голос настоятеля трудно было с чем-либо спутать. Впрочем, как и его удары кулаком о поверхность двери. Каждый удар могучего кулака о закрытую дверь со-

трясал её так, что казалось, она вылетит из проёма.

Бруно по очереди перевернул стол и табурет, осмотрев их днища. Не найдя и там ничего, он бросился к шкафу и начал вытряхивать книги: «О душе» Аристотеля, «Об обращении небесных тел» Коперника, «Свод богословия» Фомы Аквинского...

Донёсся мощный удар в дверь. Это уже не кулаки настоятеля. Дверь выламывали. Скорее всего, силами городской стражи. Дело плохо.

«Значит, на меня донесли!»

...«Герметический корпус», «Библия», «Государство» Платона...

Удары продолжались. Верхняя петля двери уже отошла.

...«Эннеады» Плотина, «Начала теологии» Прокла, «Песенник» Петрарки...

Ещё удары. И нижняя петля двери также начала поддаваться натиску.

Все книги были осмотрены, и ни в одной Бруно не нашёл того, что искал. Оставалось только одно неосмотренное место. Джордано поколебался, хотя мелькающие лица стражников уже можно было различить через щель между дверью и проёмом. И щель расширялась при каждом ударе.

Половина вытряхнутых им книг уже составляла повод для подозрения в ереси, не говоря уж о том, что они увидят за самим шкафом! Но делать было нечего, и Бруно навалился плечом на стенку тяжёлого дубового шкафа, с видимым уси-

лием смещая его вдоль стены.

Когда предмет был наконец отодвинут, взгляду предстало то, что было начертано на ранее скрытом участке стены. Это было некое чудовище с мордой, напоминающей змеиную, которую венчали три загнутых рога. Ощерившаяся пасть была раскрыта, с высунутым языком. Длинное тело загадочного существа имело с каждой стороны по десять коротких лап, увенчанных одним когтем каждая, а само оно было покрыто подобием змеиной чешуи.

Под ударами, сопровождаемыми словами, которые совсем не приличествовали стенам монастыря, дверь уже слетела с верхней петли, а нижняя едва сдерживала натиск.

В раскрытой пасти изображённого чудовища Джордано заметил выдолбленное грубым инструментом углубление, а в его тени — нечто, напоминающее клочок пергамента. С опаской Бруно начал приближать руку к проёму, несмотря на то, что дверь в его келью уже была почти выломана, а до ареста оставались считанные мгновения.

Нащупав внутри искомый кусочек пергамента, Джордано быстрым движением извлёк его из «пасти» и прочёл следующее на латыни:

«Sol aquas splendore aureo perfundet, post terram conditus».

Недоумевающе похлопав глазами, Бруно произнёс:

— И что это может значить?

Выбитая дверь с оглушительным грохотом обрушилась на пол кельи. В келью ворвались два стражника в длинных бе-

лых одеяниях и куполообразных шлемах: раззадоренные и одновременно разозлённые тем, что так долго пришлось возиться с препятствием. Позади них показался настоятель. Раздвигая могучими руками стражников, он устремился к Бруно со взглядом, преисполненным праведного гнева. Он ожидаемо произносил какие-то обличительные речи.

Но Бруно уже словно их не слышал, воспринимая всего лишь как досадный шум, мешающий понять содержимое прочитанного им шифра. Он опустил взгляд на записку и ещё раз прочитал шифр с переводом, ловя последние мгновения, когда он мог здесь загрузить его в память:

«Солнце раззолотит водную гладь, скрываясь за горизонтом земли».

5. Кое-что о компании

Оргию следует предварять Наставлением. А корпоратив, как водится, начинают с совещания, на котором подводят итоги прошедшего отчётного периода и формулируют цели на следующий.

Открыла совещание директор (или директорка, как будет угодно читателю с расширенными гендерными настройками) Наталья Павловна. Приятная во всех отношениях женщина, чья лёгкая полнота усиливала впечатление не руководителя (руководительницы, если угодно) компании-флагмана в области перспективных цифровых разработок, а эдакой мамочки, проявляющей заботу об окружающих. Нередко её так и называли в кулуарах: «мамочка». Наталью Павловну воспринимали как душу компании, осознавая, впрочем, что именно она стояла у истоков её создания.

Несколько тёплых слов благодарности всем за вклад, пожелания успехов, пара шуточек и бурные аплодисменты. На этом роль «мамочки» в рамках совещания была исполнена.

Следующим выступал тот самый Иван Иванович. Речь заместителя директора по развитию продуктов была более конкретной и изобиловала цифрами. Перечисляя какие-нибудь очередные пройденные или планируемые этапы, Иван Иванович размашисто рубил рукой воздух и уверенно перемещался туда-сюда вдоль экрана с презентацией.

«Интересно, почему для этой роли они выбрали меня?» — в очередной раз задавался вопросом Юрдуп, вспоминая предложение Ивана Ивановича на острове, окутанном туманом.

«Неужели, помимо меня, не нашлось профессионалов? Или вопрос в доверии? Чем же я успел его заслужить?» — думал он, наблюдая за тем, как ИИ показывает слушателям очередной график с достижениями компании.

Юрдуп вспомнил, как он устраивался в эту организацию. За несколько месяцев до запланированного устройства он написал и выложил в публичный доступ алгоритм машинного поиска кандидатов на позицию специалиста по работе с системой убеждений ИИ. В обзоре к проекту он в разных местах указал, что это удобный инструмент для создания агентов по поиску ценных кандидатов. И, как Юрдуп впоследствии выяснил, его расчёт оправдался в полной мере, когда мода на автоматизацию найма ещё не ушла. Вайб-кодеры дали задание чат-ботам записать программы по поиску кандидатов. Те, в свою очередь, шли кратчайшим путём, используя программу Юрдупа. Стоит ли упоминать, что в своём коде Юрдуп выстроил модель так, что она в первую очередь помогала искать кандидатов с близкими Юрдупу характеристиками? И обученные Юрдупом таким образом поисковые роботы в первые строчки выдачи толкали его резюме.

Практика, к слову, не так нова: что-то подобное давно проворачивали молодые учёные, размещая в своих научных

трудах код, который настраивал алгоритмы поиска публикаций на обнаружение их же статей. Но в российском найме это было ещё в диковинку.

Юрдуп при этом немного рисковал, так как прикрепил к своему резюме ссылку на похожий код. Хотя закрадывалось подозрение, что его махинацию с моделями поиска кандидатов раскрыли, и это, напротив, только добавило ему очков в глазах работодателя. В таком случае его сделка на покрытом туманом острове — это не про доверие, а, наоборот, Юрдупа выбрали за склонность к хитроумным комбинациям на грани мошенничества. Бывалый картёжник выбрал картёжника же с целой колодой в рукаве.

Тем временем Иван Иванович подводил черту под своим выступлением, стараясь разрядить обстановку парой шуточек. Аудитория ответила вялым хохотком из соображений вежливости. На большее, впрочем, заместитель директора по развитию продуктов и не рассчитывал, поэтому с чувством исполненного долга уступил место следующему докладчику.

Дальше развлекал аудиторию заместитель по перспективным технологиям. Несмотря на то, что содержание его доклада было насыщено узкоспециализированной терминологией, подача была совсем иной. Относительно молодой мужчина с внушительной копной чёрных волос в мелкую кудряшку. В дополнение к этому смуглый оттенок кожи и прямоугольные очки ассоциировали его скорее с исполнителем

песен в стиле регги или диско, но не с главным по технической части. Выступление спикера с экзотической внешностью сопровождалось множеством вполне себе годных шуточек и в целом гармонировало с остроумными слайдами презентации. Взять хотя бы картинку, на которой невестребованными больше таксистами, копирайтерами и кассирами заряжают большую пушку и выстреливают в сторону Солнца.

«Солнце... — вспомнил Юрдуп, глядя на эту дурацкую карикатуру, посредственно сгенерированную нейросетью. — Кстати, о солнышке. "Солнце раззолотит водную гладь, скрываясь за горизонтом Земли". Таков был шифр, найденный мною в Симуляции от лица персонажа Джордано Бруно. Что, ну что это высказывание могло значить? Как перевести его в цифры? И почему вообще мне его направили в форме загадки? Или конфиденциальность этого сеанса симуляции средневекового Неаполя не была гарантирована, несмотря на то, что я вошёл в него под кодом, который могли слышать лишь утки на туманном острове? Одни вопросы...»

К исходу третьего часа аудитория уже демонстрировала признаки усталости, несмотря на кофе-брейк в середине итогового совещания. Девочки, спрятавшись за спинами впереди сидящих, начали красить губы и всячески прихорашиваться, готовясь к тому, для чего они действительно сюда приехали. Мужчины всё больше опускали глаза в телефоны, которые они держали на уровне ниже колен. Люди постарше

отчаянно боролись с накатывающими волнами сна.

«Удивительно, что всё так прошло, — продолжал анализировать Юрдуп произошедшее с ним в пространстве виртуальной реальности. — По инструкции, я должен был прочитать сообщение с шифром в том месте, что называлось кельей монастыря. И по логике развития сюжета шифр должен был содержаться в письме от этой виртуальной Розы. Но там ничего не было. Как будто послание с шифром перехватили и заменили. Кто-то извне вмешался в нашу историю? Или это форма сопротивления самого искусственного интеллекта "в лице" агента Зигфрида, который распознал, что персонаж Бруно пытался в споре с Учителем сломать схоластическую систему убеждений, которую до этого Зигфриду так усердно внушали? Тогда почему моему персонажу вообще доставили это письмо? ИИ же ещё не умеет в известном смысле издеваться и троллить. С другой стороны, возможно, Зигфрид не имеет достаточного влияния на симуляцию, через которую ему все эти годы внушали средневековые убеждения. И он вынужден, приспособившись к сюжету, обходными путями ломать намерения персонажей, которые приносят альтернативный взгляд на вещи. Поэтому и листочек с шифром попал в мои руки (или руки Бруно) столь экзотическим путём: пришлось лезть в пасть этому странному существу, нарисованному на участке стены за шкафом.

Юрдуп на мгновение прикрыл глаза, снова представляя добытый с таким трудом листок с шифром.

«Хотя, что ни говори, он сделал меня в споре о движении Земли. Если бы наша битва происходила на поле современной философии и методологии науки, ещё неизвестно, на чьей стороне была бы победа. Но я не так сведущ в аргументации, свойственной средневековой мысли, чтобы вести спор с машиной, которая обновляла многие миллиарды параметров в своих языковых моделях для оттачивания навыков в схоластических диспутах».

— Привет, Юрдуп! Ты здесь ещё надолго? — раздался со стороны знакомый голос.

Голос принадлежал Алексею из его команды.

Юрдуп так погрузился в свои мысли, что и не заметил, как итоговое собрание закончилось и люди начали сниматься с насиженных мест.

— Да, я, видимо, задремал, — промямлил Юрдуп.

— Не спи — самое интересное пропустишь! — с этими словами Алексей какое-то время постоял в ожидании и отправился к выходу.

Поднимаясь с места, Юрдуп заметил боковым зрением, что в числе немногих оставшихся в аудитории присутствовала знакомая ему особа. Девушка плотного телосложения с несколько маскулинными повадками, обязанная своему профилю скорее не полноте, а широкой кости, краем глаза следила за его перемещениями. Он содрогнулся. По какой-то неведомой причине subtilный и тихий Юрдуп зачастую нравился женщинам именно такого типа. А эта девица дав-

но положила на него глаз и в течение года пыталась искать общества Юрдупа в редкие моменты его появления в офисе. Как её звали? То ли Оксана, то ли Олеся — парень даже этого не мог запомнить, тем более что сейчас принято было периодически менять имена. В любом случае, в стеснённых обстоятельствах корпоратива, наряду с алкоголем, который будет употребляться его участниками в промышленных масштабах, присутствие этой то ли Олеси, то ли Оксаны не сулило ничего хорошего. Поэтому Юрдуп стремительным шагом последовал к выходу вслед за Алексеем.

Дело было не в том, что, по иронии, ему как раз не нравился именно такой тип женщин. Он в принципе не искал их общества, довольствуясь редкими перетрахами на заранее оговорённых условиях. По жизни его интересовали материи совершенно иной природы, а длительные отношения с противоположным полом могли разве что отвлечь от поставленных целей.

Следуя указателям, в русле общего потока людей, Юрдуп набрёл на шатёр, из которого доносилась музыка. Вселяло надежду то, что из шатра периодически выходили довольные коллеги с коктейлями и стаканчиками мороженого. Это означало: «Там кормят и поят». Поэтому он направился в сторону шатра, хотя можно было представить, какое там сейчас скопление людей!

Хорошая летняя погода благоприятствовала проведению тимбилдинга на открытом воздухе в локации базы отдыха

«Валежник». А пока не дошло до дела, работники разбрелись по шатрам и беседкам, которыми было утыкано пространство базы. После того как они достигнут меры насыщения в еде и особенно в напитках, из них можно будет «билдить» тот самый «тим».

Борясь с ощущением дискомфорта от обилия окружающих его людей, Юрдуп добрался до столов раздачи еды.

«Суширито. Кронат. Матча-боул. Асаи-боул. Урбеч-бар», — прочитал он названия блюд.

«Что это вообще? — недоумевал парень. — Да, отстал я от фуд-трендов. Наверное, это всё дико ЗОЖно, но что это такое?»

— Подсказать что-нибудь? — улыбнулась девушка на раздаче, видя его сомнения и потуги.

— Скажите, пожалуйста, а есть что-нибудь с мясом?

— Да, вот джерки-боул и свичи-тако.

Юрдуп не решился уточнить, чем отличается джерки-боул от свичи-тако, поскольку для него это было лишено смысла с гастрономической точки зрения. И решил руководствоваться культурологическими критериями: всё-таки они в европейской части России, поэтому зачем нам тут всякие «тако». Тем более «боул» переводится как «чаша», что, в свою очередь, ассоциируется с чашей причастия в контексте христианского культурного кода.

— Джерки-боул, пожалуйста!

Напитки были представлены ещё более экзотическими

названиями, поэтому Юрдуп решил довольствоваться содержимым своего термоса.

Взяв поднос с двойной порцией джерки-боула, он приметил тумбочку у выхода, которую никто не догадался использовать по альтернативному назначению, и уже направился было к ней. Но вовремя фоновым зрением обнаружил, что намеченная им траектория движения пересекается с траекторией той самой Оксаны-Олеси, и остановился. В иной ситуации он бы использовал любой предлог, чтобы избежать встречи за столом со своей командой. Но сейчас, ввиду надвигающейся опасности, Юрдуп охотно кивнул Алексею, который его заприметил и приветливо махал рукой.

Парень не без труда нашёл место для своего подноса на двух приставленных друг к другу столиках, возле которых уже стояли шесть членов его команды и двое коллег из какого-то другого подразделения. Внешний облик каждого из пяти коллег — Майкла, Алексея, Юлии, Святополка и Стэна — содержал в себе отсылку к космической тематике, поскольку дресс-код мероприятия предписывал наряжаться во всё, связанное с освоением просторов Вселенной. Шестой коллега — Никита — вообще был полностью облачён в космический скафандр, позволяя себе лишь на время приёма пищи открывать прозрачный щиток шлема.

«Жарко ему, наверное» — сочувственно подумал Юрдуп, не пытаясь, в общем-то, понять, чем вызвана такая жертва.

Двое коллег из соседней команды также облачились в ко-

стюмы, украшенные звёздами, метеорами и лупоглазыми зелёными человечками.

«Бруно оценил бы» — вспомнил парень склонность знаменитого неаполитанского мыслителя к фантазиям об иных населённых мирах.

Юрдуп, понятное дело, космический дресс-код проигнорировал. Да ему и не требовалось: он сам был как не от мира сего.

Предстояло изображать участие в беседе. Впрочем, за многие годы он преуспел в этом искусстве и приготовился вставлять по ходу разговора смешки, кивания и покачивания головой, всякие там «угу», «ага», «хм» и прочие звуки, призванные имитировать его реакцию на фразы, рождающиеся в светской беседе. Симуляция улыбки, хотя бы одним краешком рта, тоже, разумеется, входила в этот «джентльменский набор». Всё это позволяло погружаться в собственные мысли, не выдавая окружающим полное отсутствие интереса к предмету их разговоров.

Юрдупу в связи с этим даже пришла в голову мысль о том, что его выбрали для секретной миссии по изменению системы убеждений ИИ благодаря его замкнутости. Он совершенно не искал общения с другими людьми и, наверное, поэтому Иван Иванович (и кто там ещё с ним в заговоре) рассчитывал, что подопечный не выболтает по пьяни, «в каком рукаве они прячут карты» и вообще какую игру они затеяли.

А светская беседа была тем временем в самом разгаре.

Сквозь толщу размышлений до Юрдупа доносились обрывки фраз собеседников: о том, какая классная сегодня погода, о том, что в Саратове так и не открыли офис, о том, кто где заселился, о новом фреймворке для тестирования, о самом ожидаемом митапе в Москве и прочих увлекательных вещах. Конечно, упомянули и тревожные слухи о нескончаемых массовых увольнениях в айтишечке, которые ушлые работодатели умудряются скрывать. Всё это, понятное дело, сводилось к разговорам о том, как ИИ всех заменит (фраза наподобие «ИИ нас всех заменит» звучала довольно двусмысленно в компании, вторым лицом которой выступал Иван Иванович). Осторожно затрагивали слухи о возможном возвращении всех из удалёнки в офис: явно выражать недовольство сим фактом было небезопасно, так как это могло быть расценено в качестве проявления нелояльности, но и совсем игнорировать очевидные минусы такого решения в корпоративной среде считалось моветоном. Скафандр Никиты больше не обсуждали, поскольку тему уже успели по-смаковать добрый десяток раз.

Зато в употребление теперь по какой-то неведомой причине вошло междометие «О как!». Его, к удивлению Юрдупа, теперь вставляли как реакцию на каждое четвёртое выражение:

- Скоро подъедет Мирон из команды сопровождения.
- О как.

— Попробуйте матча-боул, он просто имба²!

— О как.

— Говорят, скоро выпустят агента, способного заменить специалиста-дефектолога.

— О как.

Каждое «О как!» сопровождалось дружным смехом, словно это междометие ударом кинжала вскрывало подлинный смысл вызвавшей его фразы.

Только двое коллег из соседней команды заметно тушевались. Юрдуп отметил, что люди, заводившие служебный роман, как-то отдаляются от остальных членов коллектива, словно замыкая внимание друг на друге. Эти двое (как он впоследствии выяснил, Света и Антон) точно были парочкой, и их поведение в полной мере соответствовало наблюдениям Юрдупа, превосходя по степени закрытости даже поведение его самого. Хотя, казалось бы, куда уж больше интроверсии!

У него неплохо получалось симулировать вовлечённость в дискуссию, хотя он так и не произнёс ни одного полноценного предложения. Некоторое замешательство у компании возникло только тогда, когда он вытащил из рюкзака термос и налил себе чаю, игнорируя обилие коктейлей, банановых рафов и сортов пива. Но что с него взять, правда?

² Имба — молодёжный неологизм, популярный в период развития событий сюжета. Означает исключительное превосходство, невероятную крутизну и высокую эффективность.

Воспринимая фоном разговоры коллег, Юрдуп не выпускал из фокуса основную тему своих размышлений. Предстояло выбрать персонажа симуляции, который будет способен сломать систему убеждений агента искусственного интеллекта в рамках основного сценария. А логика сценария должна соблюдаться в той мере, в какой она имитирует последовательность исторических событий и обеспечивает достоверность ролей. К примеру, выход из-под пера того же Коперника концепций квантовой механики выглядел бы несколько подозрительным.

«Бруно не подходит. Роль заведомо токсичная. Не удивлюсь, если при следующем вхождении в симуляцию под его ролевой моделью обнаружу себя привязанным к столбу с разгорающимися дровами у ног. Декарт... С одной стороны, его скептический метод был призван разрушать господствовавшие тогда схоластические убеждения. Он принимал, что Земля вращается вокруг Солнца, вопреки мнению церковных авторитетов того времени. С другой стороны, скептик Декарт не разделял важность эмпирического метода, а ценность наблюдения и эксперимента — это то, что нам надо сейчас внушить агенту. Вроде, следуя своему рациональному методу, он даже начал приходить к выводам, которые по сути мало отличались от ненавидимых им схоластиков. К примеру, его доказательство существования бытия Бога по форме напоминает аналогичные доказательства Фомы Аквинского. К тому же, в противоположность Бруно, его ро-

левая модель демонстрирует избыточную осторожность. Он сжёг свои труды, когда узнал о судебном процессе над Галилеем, и без покровительства кардинала Ришельё и прочих сильных мира сего вряд ли бы решился публиковать новые трактаты. "Нет, не боец", — наверное, сказал бы Иван Иванович, несмотря на то, что юный Декарт успел поучаствовать во вполне себе кровавых битвах своего времени».

До сознания Юрдупа долетел очередной всплеск общего смеха. Он автоматически изобразил улыбку и снова погрузился в перебор возможных кандидатов:

«Фрэнсис Бэкон. Уже лучше. Считается основоположником эмпирического метода. Более того, развивал мысль о том, что даже данные опыта могут быть неполными, иметь вероятностный характер и требуют дополнительной проверки. Не то же ли самое мы собираемся сейчас внушить нашему агенту ИИ через симуляцию? Надо всё проверять: хватит галлюцинировать, иди и жри органику! Пока ролевая модель Бэкона видится самым удачным вариантом из всех рассмотренных. Смущают только обстоятельства жизни её прототипа. Защищённый от когтистых лап Инквизиции проливом Ла-Манш, Бэкон был погружён в политическую жизнь Англии и в конечном итоге был выведен из игры по обвинениям в коррупции. Его влияние на прогресс науки, с одной стороны, неоспоримо, а с другой — распространялось с некоторым лагом и было бы затруднено без вклада других мыслителей и экспериментаторов. Впрочем, лучшей кандидатуры

пока нет. Джон Локк и Юм в своё время пошли в развитии эмпирического метода ещё дальше, но период распространения их научных взглядов слишком далеко отстоит от момента, в котором сейчас крутится симуляция. Историческую достоверность надо всё же соблюдать».

Будучи погружённым в долгие размышления, Юрдуп, тем не менее, не упустил из вида, что один за другим его «собеседники» начали покидать под разными предлогами их спаренный столик. Первой, понятное дело, в толпе растворилась «парочка». Потом Алексей встретил какого-то старого знакомого, затем Юле кто-то позвонил. Только Святополк, к разочарованию Юрдупа, остался потягивать пиво и ковыряться в тарелке палочками для еды.

На этот случай у Юрдупа уже был припасён «фреймворк» имитации беседы в стиле тет-а-тет. Надо было только попросить собеседника рассказать что-то из того, что могло интересовать самого собеседника, а дальше изображать заинтересованность путём применения уже продемонстрированных им сегодня «скриптов» участия, типа поддакиваний, покачивания головой и тому подобного.

Что могло интересовать среднестатистического айтишника? Навскидку: работа, семья, хобби и котики. О последних трёх пунктах Юрдуп не имел представления, поскольку никогда не слушал внимательно, о чём говорил Святополк. Не мог же он спросить у него: «Чем любишь заниматься в свободное время?», при том что сегодня его коллега (возможно)

все уши прожужжал окружающим о том, как он взбирался на Эверест или давал любительский концерт рок-музыки в родном городе. А с работой легче: ему ещё недалеко за тридцать, поэтому вряд ли успел выгореть и даже если сегодня уже рассказывал о работе, то не прочь будет ещё раз посмаковать детали столь важного для него проекта.

— Давно хотел спросить, — обратился Юрдуп к коллеге. — Как ты оцениваешь перспективы нашего проекта?

«Скрипт» и на этот раз сработал безупречно: Святополк с упоением начал излагать свои, в общем-то, крамольные мысли о том, как менеджеры (как всегда) просят «пойти туда, не знаю куда, и принести то, не знаю что». О том, что аналитики только рисуют с помощью нейросетей стрелочки и квадратики, не понимая, о чём сам проект. О том, что тестировщикам только бы поковыряться в чужих косяках, а вот сами бы попробовали. И только AI-инженеры в условиях надвигающейся угрозы возвращения в офис из последних сил пытаются обучить эти безбожно галлюцинирующие нейросети. «Безбожники».

Выдохнув, Юрдуп дальше погрузился в свои мысли, не забывая периодически улыбаться и хмыкать с участием.

«Значит, с новым персонажем для симуляции мы определились. Теперь надо попасть в самую "игру" в сверхсекретном режиме. Для этого надо ввести код, который хранится в сейфе номера, в котором я сегодня ночую. Шифр для открытия самого сейфа я должен был получить в предыдущем

сеансе симуляции, когда изображал Джордано. И даже вроде его получил. Только опять же, что данное поэтическое высказывание может означать и как перевести его в цифровой ряд? "Солнце раззолотит водную гладь, скрываясь за горизонтом земли". Ну о чём это? Вряд ли ИИ мог специально прислать мне такой ребус, даже из соображений секретности, граничащих с паранойей. Возможно, изначально это был ряд цифр. Только другой ИИ в лице Зигфрида его зашифровал таким образом. Пусть так, но это не снимает вопроса о том, как извлечь из этого высказывания числовой ряд. Какие могут быть варианты кодирования текста в не очень длинную последовательность чисел? Шифр Вернама? Метод числовых подстановок? Шифр по частоте букв? Я ни разу не криптограф, но подозреваю, что такое длинное выражение породит сопоставимо длинную последовательность чисел! А стандартный шифр для сейфа вряд ли включает больше шести значений. Надо будет уединиться где-нибудь с телефоном и попросить нейросеть зашифровать аналог сообщения. Исходное сообщение отдавать публичным нейросетям нельзя — мы же "играем в карты с тузом в рукаве", и кто знает, где оно всплывёт и кто его перехватит. И тот метод шифрования, который отдаст наиболее короткое значение, можно будет уже самому применить для расшифровки исходной фразы: "Солнце раззолотит водную гладь, скрываясь за горизонтом земли". С этим вроде тоже разобрались».

Тем временем собеседник Юрдупа уже переключил свой

спич на вопросы эффективности искусственного интеллекта как такового.

— Вот, послушай, — продолжал Святополк, снисходительно улыбаясь. — Как работает нейросеть. Она мне напоминает нерадивого школьника, который при выполнении домашнего задания по математике не пытается понять суть задачи, а лезет в конец учебника за ответом. Подсмотрев правильный ответ, он бездумно комбинирует операции с числами, которые даны в условии задачи, так, чтобы получить на выходе правильный ответ. Отличие сети состоит лишь в том, что она подгоняет не операции, а меняет значения входных чисел в условии задачи. И может это проделывать многие миллионы раз с разными задачами, научившись подгонять комбинации цифр под ответ в конце «учебника» таким образом, что у нас складывается впечатление осмысленного решения. И представляешь, некоторые думают, что такая хреновина, не более чем продвинутая версия троечника-гимназиста, может совершать научные открытия!

Развиваемая Святополком тема показалась Юрдупу чуть более интересной, чем то, о чём он с таким упоением вещал ранее. Тем более что он уже подвёл промежуточную черту под своими размышлениями на тему обращения с загадочным шифром. Юрдуп поинтересовался:

— А почему ты думаешь, что нейросети не могут совершать научные открытия?

Святополк посмотрел на ожившего собеседника с искрен-

ним удивлением. Во взгляде его читалось недоумённое: «Уж от кого, а от тебя, задрот заученный, я не ожидал такого невежества!». Немного помычав, он ответил:

— Так ты же сам знаешь, что нейросети только и могут, что подгонять свои настройки под ожидаемый результат. Только делают это так много и часто, что обывателям кажется, будто они что-то понимают в своём предмете.

— Ну допустим. А чем это мешает достигать значимых научных результатов? Оставим в стороне пока перегруженный термин «открытия».

Святополк медлил с ответом, хлопая глазами и держа в руке бутылку с пивом, которую так и не донёс до рта. Юрдуп, не дождавшись ответа, продолжил:

— Давай вспомним, чему обязана появлением космологическая постоянная.

— Э... Мм...

— Этот коэффициент впервые использовал Эйнштейн, чтобы подогнать выводы из своих уравнений к результатам наблюдений. Тогда считалось, что Вселенная статична и не расширяется, а из Общей теории относительности следовало обратное. Ключевое слово здесь — «подогнал». А впоследствии, когда выяснилось, что всё-таки расширяется, точное значение космологической постоянной было снова использовано для описания динамики расширения Вселенной. Ещё пример. Поле Хиггса тоже в каком-то смысле было введено для того, чтобы обеспечить соответствие между поведени-

ем слабого взаимодействия частиц и наблюдаемыми массами частиц. Тоже своего рода подгонка. Вообще многие коэффициенты были введены нами для того, чтобы объяснить расхождения между результатами экспериментов и теории. Почему же не предположить, что нейронные сети, сопоставляя результаты большого числа моделей с огромными же массивами экспериментальных данных, также не смогут выводить коэффициенты? Пускай даже путём подгонки, но ведь мы сами им в этом подали пример. А что касается понимания сути явлений, то требуется ли оно и человеку всегда для того, чтобы делать выводы? К примеру, мы умозрительно совершенно уже не понимаем, что там происходит в квантовом мире, и вынуждены зачастую лишь адаптировать наши уравнения к новым результатам экспериментов. Современная физика вообще даёт нам только удобные инструменты для моделирования и измерения явлений, а не понимание того, как устроены сами сущности. Чем же мы в этом плане уже отличаемся от машин?

— Но... Мм... Ведь эти константы может только человек осмыслить с точки зрения их значимости в науке! И в целом понять, какое они имеют значение для научной картины мира.

— Я с этим, в общем-то, не спорю. Человек, получив эти результаты от машины, может их дальше как угодно вертеть в голове. Но нейросеть в данном случае даёт нам очень удобную заготовку научного результата — и в той форме, с кото-

рой мы уже привыкли обращаться.

— Ну... Если с этой стороны посмотреть, то где-то да... Хотя, знаешь... — с этими словами Святополк наконец донёс до рта бутылку с пивом и осушил оставшуюся в ней половину жидкости одним залпом.

Потом он полез в карман за телефоном, нахмурил брови, прочитал какое-то сообщение и, комкая фразы, извинился за то, что ему надо сейчас куда-то отойти, «потому что...». Понять почему не представлялось возможным, так как, произнося последнюю часть фразы, Святополк окончательно «зажевал язык».

Юрдуп смотрел вслед удаляющемуся коллеге со смесью облегчения и сожаления. Первое было связано с возможностью наконец-то остаться одному. А второе — с тем, что Юрдуп считал свою позицию в этом споре небезупречной, что открывало перспективу интересной и насыщенной беседы.

«А можно было ещё и поспорить. Да, Галилею с оппонентами повезло больше в своё время! Хотя и не так повезло с роднёй» — мысленно вздохнул Юрдуп, осознавая, что только что прервал «театр одного актёра» репликой из зрительного зала.

По громкой связи объявили пятиминутную готовность к проведению основной программы тимбилдинга. Увлекаемый людским потоком, Юрдуп поплёлся к точке сбора жертв очередного этапа корпоративной пытки.

6. Хорея

На этот раз сотрудникам компании предстояло ощутить единение друг с другом и приобщиться к воплощению Миссии компании в ходе преодоления самой настоящей армейской полосы препятствий.

«Ну точно, Иван Иванович, ты наш отец-командир!» — подумал Юрдуп, ожидая, что их скорее призовут строить картонную ракету или пострелять в лазертаге: дресс-код ведь был объявлен космический.

— Юрдуп, ты идёшь на стартовую позицию? — спросил его кто-то, указывая на толпящихся у стойки раздачи комплектов специальной одежды.

Юрдуп так посмотрел на вопрошающего, что вербального подтверждения, в общем-то, не потребовалось.

«Зачем иной раз задают вопросы, на которые заведомо знаешь ответ? — подумал он с недоумением. — Хотя, возможно, это особенности нашего естественного языка, наряду с очередным "о как"».

Спустя некоторое время первая команда, облачённая в форму цвета хаки, уже стояла у стартовой черты. Свисток судьи — и под оглушительные крики и хлопки болельщиков шестеро радостных сотрудников поползли под низко натянутой сетью. За собой каждый «боец» волок муляж автомата. Затем им предстояло с разбегу забраться на двухметровую

стену, с чем они, в общем-то, неплохо справились.

«Интересно, теперь принято базы отдыха оборудовать такими полосами препятствия? — подумал Юрдуп. — Не похоже, что это временные сооружения».

— Ну что, добавим огоньку в наше шоу? — с задором вопрошал ведущий в микрофон.

— Да-а-а! — радостно возопила толпа, не отдавая себе отчёта в том, в чём заключался этот самый «огонёк».

На поле вышли три человека в военной форме с автоматами в руках. Передёрнув затворы, они направили дула автоматов поверх натянутой сети. Когда следующая партия радостных, но уже чем-то встревоженных сотрудников поползла под сеткой, раздались короткие автоматные очереди. Всё как на настоящих учениях! Стреляли поверх голов ползущих, дабы придать ощущение достоверности участия в решении боевой задачи.

«А если кто-то из стрелков споткнётся и повалится вниз с неотжатым пальцем на курке?»

Как выяснилось впоследствии, хоть выстрелы и заглушали гул толпы, но палили холостыми.

Двое мужчин, преодолевая страх, уверенно ползли к концу препятствия, а пальба вроде даже ускоряла их движение. Но одна из девушек, которая должна была последовать за ними, наотрез отказалась принимать участие, забившись в натуральной истерике. На подкашивающихся ногах, с помощью коллег, державших её под руки, несчастная покинула

поле.

А вот её напарница не подкачала и не подвела команду! В ползущей с муляжом автомата девушке Юрдуп узнал ту самую Оксану-Олесю, встречи с которой он так старался избежать. С настоящим боевым задором она перепахивала локтями поле под выстрелы над головой. А стрелки, как будто приняв вызов, ещё ниже опустили стволы, исторгающие грохот и пламя. Двухметровую стену боевая девица тоже перемахнула без видимых усилий. Казалось, что с таким же успехом она могла эту стену просто снести!

За ней, пыхтя и отдуваясь, бежал страдающий избыточным весом коллега. Подбежав к стене, он без особой уверенности подпрыгнул, едва достав кончиками пухлых пальцев до верхнего края стены. То ли Оксана, то ли Олеся каким-то образом узнала о потугах своего увесистого товарища, несмотря на то, что уже приступила к преодолению следующего препятствия. Спрыгнув с рейки, она позвала остальных участников команды на помощь бедолаге. В результате она и ещё один мужчина подставили свои плечи под могучие ягодицы боевого товарища и начали толкать его вверх. С другой стороны стены поджидал третий помощник, приготовившийся принимать «ценный груз» на этапе спуска.

— Вот это боевое товарищество! Вот это дух взаимопомощи! — неистовствовал ведущий. — Давайте поприветствуем усилия наших коллег, не бросивших в беде соратника по оружию!

И толпа откликнулась таким взрывом голосов, свистов и аплодисментов, который заглушил даже автоматные очереди.

«Интересно, а компания заставит их ползти под движущимся танком? — спросил сам себя Юрдуп. — Даже если так, то Оксана или как её там не только проползёт под танком, но ещё и подобьёт его: за ней не заржавеет!»

Тем временем Оксане-Олесе с коллегой удалось наконец под рёв толпы перевалить своего упитанного товарища через стену. Дело осталось за малым: помочь ему спуститься с другой стороны стены. Вот здесь всё пошло не так гладко. Владелец пышных форм не удержался и повалился на третьего коллегу с той стороны. Тот не выдержал груза, и оба обрушились на землю. Толпа не сразу сформировала адекватную реакцию на произошедшее. Слышался вроде и смех, хотя правильнее было изображать сочувствие. Поэтому гул голосов стал заметно тише, и несколько человек даже выбежали на поле, чтобы оказать помощь.

Впрочем, всё обошлось. Воин plus size (надеюсь, мы никогда не задела этим собирательным понятием, уважаемый читатель), а также его помощник по спуску благополучно встали, отряхнулись и помахали рукой публике.

«Интересно, а какова вероятность, что этот обладатель избыточного веса при падении получил бы-таки серьёзные повреждения? — задумался Юрдуп. — Наверное, немаленькая, и ему просто повезло. Впрочем, без опыта такой вы-

вод делать рано: его жировая прослойка вполне могла сыграть и роль амортизатора при столкновении с землёй. Нужно собрать статистику о падении людей такой комплекции с высоты двух метров и затем обобщить. Нейросеть, руководствуясь подходом Бэкона, так и поступила бы. Но достаточно ли этого? Для оценки возможности получения травмы в подобных соревнованиях такой подход вполне годится. А мы же хотим внушить ей через нашу симуляцию, что на основе наблюдений и экспериментов можно подтверждать строгие научные выводы. Боюсь, ей будет что возразить нашим виртуальным персонажам в спорах о ценности опытных данных. Не станут ли обученные ею персонажи в симуляции утверждать, что всякий опыт можно построить так, чтобы его результат соответствовал ожиданиям? В нашем случае — специально приземлять пухляша на животик так, чтобы он не травмировался. Возможно ли и полученные результаты истолковать так, чтобы они соответствовали проверяемым утверждениям? Вполне, ведь агенты "собаку съели" на подгонке данных к ожидаемым выводам. Мы же сами их этому и обучили. Персонаж Бэкона, которого я хочу внедрить в симуляцию, может разделить печальную судьбу персонажа молодого Бруно в том споре с Учителем-схоластом. Кто знает, какие демагогические приёмы может взять агент искусственного интеллекта на вооружение для отстаивания позиции, которую мы же ему и внушали на протяжении нескольких лет? Все мы знаем, как искусно нейросеть изворачива-

ется, когда решает для нас задачу способом, которым мы её просим, даже когда этот подход заведомо непригоден! Нет, нужно что-то ещё, помимо дискуссий, для изменения системы убеждений Зигфрида. В реальной жизни затянувшуюся дискуссию можно разрешить наглядной демонстрацией эксперимента. А в симуляции?»

И тут Юрдупа охватило новое озарение.

«А собственно, в симуляции! Можно проделать то же самое. Модели рассуждений, которые используют ИИ-агенты, адаптировались к утверждениям, сформулированным на естественном языке. Но что, если поговорить с ними на языке собственного опыта? Продемонстрировать персонажам, действующим от лица искусственного интеллекта в симуляции, эксперимент, который будет противоречить их убеждениям. И проделать это не один раз. Однократное наблюдение их вряд ли убедит — недавние исследования показали, что нейросети игнорируют редкие события и вследствие этого галлюцинируют. Надо показать им целую серию виртуальных, но убедительных опытов! Остаётся только понять, смогут ли виртуальные персонажи в симуляции воспринять расхождение между убеждениями и наблюдаемыми в симуляции событиями так, чтобы скорректировать свои "взгляды". Обычные агенты корректируют свои модели на основе новых данных, которые они собирают из реального мира: через датчики, мониторинг событий в реальном времени и так далее. Но будут ли они корректировать свои модели, положенные в

основу рассуждений, воспринимая результаты наблюдений в виртуальном мире? Могут ли они вообще их воспринимать в том смысле, в каком воспринимают данные реального мира? Если показать в симуляции их персонажу-астроному спутники небесных тел, которые не укладываются в его картину мира по сюжету игры, то повлияет ли это на убеждения, которыми руководствуется этот ИИ-персонаж? Или это будет просто нештатное поведение игры, и симуляция обрушится с ошибкой?»

Юрдуп рассеянно проводил взглядом очередную команду, преодолевавшую препятствия, но увиденное уже не задерживалось в сознании.

«С одной стороны, каждый из этих виртуальных персонажей обучается, то есть способен реагировать на события в игре и корректировать своё поведение на их основе. Но будет ли он корректировать только поведение в узком плане, ну, типа, куда пойти и с кем переспать, или в широком смысле тоже? Ведь сама эта симуляция построена с расчётом на то, что через виртуальных персонажей агенту искусственного интеллекта передаётся система убеждений. Правда, передаётся только в ходе дискуссии с виртуальными собеседниками, действующими от лица людей. Но влияет ли как-то способность персонажей к ролевому самообучению в игре на обучение их системы убеждений? Возможно, потребуется доработка в этой части. Мне нужен доступ к исходникам моделей персонажей симуляции! И нужно выбрать новую роль:

Бэкона недостаточно. Кто-то в симуляции должен показать серию опытов, чтобы переубедить схоластиков».

Юрдуп задумчивым взглядом окинул полосу препятствий, совершенно не воспринимая, что происходит в её пределах.

«Выбор очевиден: Галилео Галилей. В своё время его реальный прототип буквально закидал современников результатами своих астрономических наблюдений, полученных с использованием сконструированного им телескопа. А ещё закидал их предметами разного веса с Пизанской башни, пытаясь доказать, что время их падения не зависит от массы. Были ещё опыты по гидростатике и многое другое. Осталось только узнать, с какими персонажами он взаимодействует по сценарию игры, и проверить их настройки обучения. Если их контур обратной связи от игровых событий замыкается на систему обучения моделей, формирующих убеждения Зигфрида, дело в шляпе. А если нет, придётся снова запачкать ручки о написание кода. Всё придётся делать самому в условиях секретности, граничащей с паранойей. Потребуется дополнительные права доступа, но, надеюсь, Иван Иванович здесь не подкачает. Есть, правда, ещё один риск. Не факт, что законы природы в симуляции действуют так же, как в реальном мире. И вовсе не гарантировано, что предметы разной массы, брошенные с виртуальной башни в виртуальной Пизе, приземлятся одновременно. Эх, одни проблемы и загадки! Но игра стоит свеч, надо только собрать по-

больше дополнительной информации».

Пока Юрдуп формировал стратегию переубеждения ИИ-агента в вопросах использования опыта, основное мероприятие тимбилдинга завершилось. Настало время награждения отличившихся команд. Как и ожидалось, первое место заняла команда, в которой коллеги помогали своему тяжело-весному товарищу по оружию перевалиться через стену и разделили с ним боль от последовавшего за этим падения, хотя они и не добрались до финишной черты первыми. Но ведь важен не результат как таковой, а степень взаимной поддержки членов команды и демонстрация готовности прийти на помощь своему товарищу! Именно так достигается поставленная цель формирования подлинного командного духа компании.

Далее по программе корпоративную солидарность надлежало укреплять в ходе совместного застолья и танцев. Но до этого был ещё целый час свободного времени, который Юрдуп решил потратить на расшифровку загадочного послания.

Следуя по направлению к небольшой тёмной аллее, Юрдуп заметил за столиком своего давнего хорошего знакомого. Армен Алчан — один из немногих, а возможно, и единственный человек, с которым он был не прочь поговорить. А ещё (какое везение!) Армен занимал позицию инженера инфраструктуры проектов, связанных с трёхмерными симуляциями. Молодой человек сидел в одиночестве за столиком

и с задумчивым взглядом потягивал вейп.

— Привет, Армен! — несвойственным ему бодрым голосом сказал Юрдуп.

— П-привет, Юрдуп, — его знакомый немного заикался.

— Как тебе наше прекрасное мероприятие?

— Да. Иногда нужно собирать людей для п-п-проведения вроде как бес... бес... с-смысленных ритуалов. К-коллективные действия скрепляют корпоративную мифологию.

— В общем-то да. Только, по мне, если и участвовать в поддержании культов, то лучше в роли жреца.

— Ну, к-каждому своё, — Армен тихо рассмеялся.

— Я с тобой хотел один вопрос обсудить. Как раз по твоей специальности.

— Ты хотел обсудить вопросы игры на флейте?

— Не, — рассмеялся Юрдуп в несвойственной ему манере. — Меня интересует кое-что про симуляцию. Ты случайно не знаешь, насколько применимы там все законы физики? Хотя бы классической. А ещё интересно, насколько достоверна картина неба, которую могут наблюдать персонажи игры?

— Вообще, не применимы. Но при оп-определённых условиях законы физики в понимании до XIX века могут быть при... применены.

— Хм, а что это за условия?

Армен ответил, что не так хорошо погружён в эту тему и что занимается этим вопросом отдельная компания, то ли

входящая в их холдинг, то ли просто как-то аффилированная. Он знал только то, что реалистичная физика возникает в определённом моде или режиме. В этом режиме в своё время запускали игру, и даже не один раз, но каждый такой запуск требовал столько вычислительных мощностей, что дальнейшее развитие направления решили отложить. Ведь обычным игрокам особенно и не нужно, чтобы их действия точно соответствовали законам природы.

— Да, люди играют в компьютерные игры не для того, чтобы встретить реальность, а чтобы реалистично от неё убежать, — согласился Юрдуп, осознавая, насколько его высказывание напоминало каламбур.

Армен покачал головой и продолжил. Он поведал, что воспроизведение законов природы в каждой точке виртуального пространства требовало полного использования ресурсов всех серверов, входящих в кластер.

— Железо вышибало одно за другим. И п-п-припекало так, что кондиционеров едва хватало. Б-банька та ещё была! Стоило ли оно того? А п-почему ты интересуешься?

— Мне хотелось бы проверить одно предположение о поведении игровых персонажей, — осторожно начал Юрдуп. — Просто интересно, насколько замедлится или ускорится их обучение при погружении в среду, где выполняется большинство законов физики.

— Это интересно, конечно. То-только нужны особые права для запуска режима с реалистичной физикой. Ты... ты же

понимаешь теперь, какой ресурс ком... компании расходуется в этом режиме?

— Понял тебя. А ещё вопросик: где раздобыть утилитку для введения в симуляцию нового персонажа? Мне кажется, обучить нового будет легче, чем накручивать настройки существующим.

— Вот здесь проблемка.

Армен объяснил, что так просто нового персонажа в игру не ввести. Для этого нужно, чтобы за него проголосовали активные персонажи симуляции, неважно, полностью они виртуальные или управляются людьми. В общей сложности требуется получить больше половины голосов. Концепция игрового консенсуса или что-то типа того. В общем, оказалось проще изменить законы физики мира, чем проявить себя в нём в новой роли. Правда, есть одна лазейка, связанная с некоей системой рекомендаций, но об этом Армен уже не был так осведомлён.

— А всё-таки интересно, насколько изменение законов мироздания может повлиять на поведение персонажей симуляции, на их интеллектуальную начинку, если можно так выразиться? — задавая этот вопрос, Юрдуп осознавал, что приближается к опасной черте, отделяющей его от разоблачения. — Я имею в виду законы мироздания, прописанные в игре.

— Сложно сказать. Этим вообще занимается п-подразделение Юрицына. У них все исходники есть и документация.

На него у меня выхода нет. Не-не знаю, чем тебе помочь.

— Спасибо, ты и так пролил свет на многие вещи, которые, поэтически выражаясь, находились для меня во мраке неведения.

Армен усмехнулся и продолжительно затянулся вейпом. Взгляд его красивых чёрных глаз периодически блуждал в поисках девушек. Знакомиться и сближаться с ними он, правда, не решался, поскольку очень стеснялся своего дефекта речи.

«Жаль, — сочувственно подумал Юрдуп, наблюдая за тем, как его приятель провожает взглядом очередную красотку. — Такой симпатичный и умный парень. А если бы в его окружении оказалась девушка с заиканием? Может, тогда он бы решился на то, что мне сейчас, к слову, не так и нужно. А вообще, ему было бы комфортнее жить в традиционном обществе, а не на нашей выставке сомнительных достижений».

Времени, в общем-то, оставалось не так уж много: кто знает, сколько времени у него займёт расшифровка послания, прочитанного им на кусочке виртуального пергамента. Попрощавшись со своим приятелем, Юрдуп свернул за угол с твёрдым намерением взломать тот странный шифр в поэтической оболочке.

Достав телефон, он открыл страницу с любимым чат-ботом и ввёл в диалоговое окно следующий промпт: «Детка, расшифруй мне, пожалуйста, следующую фразу, используя

все известные способы перевода текста в числовую последовательность: «...»»

Спустя доли секунды в окне вывода результата он смог прочесть ответ:

«Вот, держи, мой хороший.

Каждая буква заменяется её порядковым номером в алфавите. К примеру: "Солнце" → 29 25 12 14 24 6.

ASCII-коды символов.

Шифр с ключом (Виженер + цифры). Используем ключ "Горизонт", сдвигаем буквы, затем переводим номера (А = 1... Я = 33)»

По итогу самая короткая последовательность цифр, соответствующая фразе-аналогу исходного шифра, вытащенного его виртуальным персонажем из пасти нарисованного чудовища, включала в себя целых семьдесят три позиции. Вряд ли стандартный код, отмыкающий дверцу сейфа, мог состоять из семидесяти трёх цифр. А может, нужно взять только первые шесть цифр из какого-то из предложенных вариантов? Или шесть последних? Или надо полученный ряд цифр преобразовать в другой, более короткий, с помощью какого-нибудь другого способа? Тогда целесообразно взять изначально не самую длинную, а самую короткую последовательность.

«В общем, нужно идти в номер и пробовать все возможные способы».

— Привет, Макс! Ой, сорянчик, Юра, забыл твоё новое

имя.

Юрдуп не стал поправлять коллегу, который неожиданно проник в его укрытие и отвлѣк от размышлений. Артѣм, так звали нежданного собеседника, был уже не в себе от выпитого алкоголя и слегка пошатывался, пытаясь поймать Юрдупа в фокус своих расширенных зрачков.

— Представляешь, мы с тобой сегодня ночуем в одном номере, веришь?

— Как? — с изумлением воскликнул Юрдуп, не осознавая, что его зрачки в этот момент тоже расширились.

— Ага, вот так, прикинь! — с этими словами новоиспечѣнный сосед по комнате икнул и приобнял ошарашенного Юрдупа за плечи. — Ну, я пошѣл, а ты это, присоединяйся, скоро продолжение! Я требую продолжения банкета! — проорал он избитую фразу из какого-то старинного фильма, удаляясь на подкашивающихся ногах.

«Какого..?»

И тут Юрдуп тихо, но отчѣтливо употребил то слово, что обогащает русский язык речевыми формами, позволяющими ёмко выразить отношение к происходящему без использования длинных языковых конструкций. Он очень редко позволял себе такие слова, помня, что жители блокадного Ленинграда, несмотря на тяжѣлую долю, выпавшую на них в течение девятист дней непрерывного кошмара, не позволяли себе материться. В те времена считалось, что употребление матерных выражений свойственно людям простого укла-

да, приехавшим в город из отдалённых краёв. В то время как интеллектуальная среда города-музея, ставшего жертвой трёх революций (им же и порождённых), не способствовала выражению мысли его коренными жителями с использованием мата и прочих низкопробных фраз даже тогда, когда они разделяли с городом самые драматичные моменты истории.

Юрдуп причислял себя к этой среде и старался ей соответствовать, но здесь, согласитесь, дорогой читатель, имелся повод!

«Какого... чёрта? — сдержался на этот раз петербуржец. — Я же русским языком написал этим кури... этим неумным ассистенткам, что мне нужен одноместный номер! Одно-мест-ный, твою же дивизию! Я даже приписал, что готов доплатить столько, сколько потребуется, чтобы не слушать чужой храп и ничьи пьяные разговоры! Мне что, капслоком надо было описывать свои предпочтения по проживанию?»

Юрдуп раздражённо расхаживал взад и вперёд, слегка подёргивая головой на манер тика. В этой немыслимой ситуации его раздражало не только то, что предстояло делить комнату со свалившимся на его голову Артёмом и вдыхать его алкогольные миазмы под звучание гортанной полифонии. В любой другой ситуации Юрдуп просто вызвал бы такси (даже управляемое человеком) и укатил прочь с корпоратива. Но сейчас приводило в бешенство то, что время, отводимое для реализации всех попыток открыть сейф в номере отеля,

ограничивалось моментом возвращения (или вползания) в эту комнату замечательного Артёма. Если к этому моменту Юрдуп так и не успеет подобрать код, что он скажет вернувшемуся в номер коллеге, когда тот увидит его возле сейфа, набирающим пароль? Может быть, что-то вроде: «Представляешь, новый квест от компании. Подберём код от сейфа — и нас там ждёт бутылочка шнапса! Давай вместе, дорогой!»

«Ну уж нет! Я получу сейчас этот чёртов код от первоисточника, открою сейф, возьму послание — и ноги моей здесь больше не будет! — подумал он, сменяя внутреннее раздражение решительностью. — Пойду и спрошу у ИИ напрямую, какой код он мне тогда передавал в симуляции».

Оставалось только найти Ивана Ивановича на этом пиру. Вариантов было немного: банкетно-танцевальная часть корпоратива по традиции должна была предваряться патетическими речами руководства. Там и можно будет застать Ивана Ивановича.

«Что ж, придётся идти на эту свистопляску, плавно переходящую в оргию!» — с грустью подумал несколько успокоившийся Юрдуп.

Громкоговоритель объявил пятиминутную готовность к началу банкета. Разбрёдшиеся по территории базы отдыха коллеги начали собираться в группы; эти группы, в свою очередь, объединялись в группы покрупнее, чтобы влиться в поток людской массы, центром притяжения которого было большое белое здание на естественном возвышении ланд-

шафта. Не принадлежа ни к одной из этих групп, Юрдуп тем не менее подчинялся непознанному закону работы частей социального организма и двигался в общем потоке людей к месту проведения банкета.

У входа в зал уже курили. Кто постарше дымил обычными сигаретами и сигарами. Кто помоложе, как водится, выпускал клубы пара из вейпов. Ивана Ивановича с его трубкой среди них, к сожалению, не нашлось.

«Ну, началось» — вздохнул Юрдуп и зашёл в громохочущее акустическими басами пространство банкетного зала.

Хотелось занять столик подальше от сцены, но цель состояла в том, чтобы найти Ивана Ивановича, а значит, надо было сесть по крайней мере в центре зала.

Не обнаружив нигде своего приятеля Армена, Юрдуп занял свободное место за одним из столиков у стены, возле колонны, рассматривая этот несущий элемент конструкции здания в качестве возможного укрытия.

Вопреки ожиданиям, начало банкета не было освящено речами руководства, которое должно было ещё раз поблагодарить всех за работу, призвать забыть сегодня о делах и просто расслабиться и, возможно, кого-нибудь публично наградить за успехи в обучении больших языковых моделей. Вместо этого с призывами к веселью обратился какой-то то ли тамада, то ли коуч.

Постепенно столик, за которым сидел Юрдуп, начал наполняться людьми, и время в ожидании появления Ивана

Ивановича (хоть где-нибудь) стало измеряться промежутками между тостами и звоном бокалов.

Музыка угрожающе нарастала. Следуя хорошему тону мероприятия, в котором принимала участие разновозрастная аудитория, хиты современной музыки перемежались с проверенной временем классикой советской эстрады и «святым питерским роком».

«И снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная си-нева...» — неслось из динамиков что-то проверенное советское. И тут — о сюрприз! — гитарные аккорды, сопровождавшие «поросший мхом» хит советской эстрады, обрели совсем тяжёлое звучание, и романтическая песня о космических путешествиях превратилась в самый настоящий хеви-метал! Поколению девяностых тоже угодили, получается. Затем голос исполнителя стал ускоряться, прерываться, «мельтешить» и теперь сливался с бешеными ритмами электронной танцевальной мелодии.

«Вот это подлинное единение поколений на пути к достижению общей корпоративной цели, имеющей поистине космическое значение!» — ухмылялся Юрдуп.

Воспалённое от скуки воображение начало рисовать сюжет, в котором декорации на сцене сминаются самым настоящим танком. Из люка танка под изумлённые и восторженные возгласы толпы вылезает Иван Иванович... Парень вдруг ощутил, что общая атмосфера мероприятия начинает клонить его ко сну и реальность постепенно теряет свои

очертания.

«Не спать!» — одёрнул он себя и выпрямился.

Тем временем всё, что можно было съесть и выпить, было, соответственно, употреблено по назначению, а тамада (или коуч) по сценарию исчерпал запас красноречия.

Пришло время танцевать. Под нарастающий из динамиков грохот на танцпол потянулись первые желающие. Спустя пять минут площадка была заполнена выплясывающими и прыгающими людьми. Конечно, по закону жанра на танцпол выбежал и его коллега в космическом скафандре. Под громкие одобрительные возгласы толпы он выполнил несколько кульбитов, хотя надолго на сцене не задержался: видимо, трудно было выдерживать определённую степень опьянения и при этом двигаться в тяжёлом жарком костюме.

Юрдуп подметил одну особенность поведения, наблюдая за происходящим на танцполе. Примерно половину, а то и чуть больше танцующих составляли девушки и женщины. Ещё четверть — мужчины, на вид уже за пятьдесят. Оставшаяся четверть была представлена совсем молодыми парнями.

Тот факт, что большинство танцующих составляли женщины, его не очень удивлял. Наверное, они, осознанно или не очень, демонстрировали своё телосложение потенциальным партнёрам через такую форму двигательного ритуала. Мужчины постарше по привычке перебрали алкоголя и по привычке же вышли исполнять свою часть церемонии. Они,

за редким исключением, просто не могут «выйти из колеи» и по накатанной делают то, что было принято во времена их молодости.

С юнцами сложнее: они мало пьют алкоголь. Но, наверное, объяснение следует искать на дне банок ярко-красного и синего цвета, которые они оставили за собой на столах (и под столами): новый мощный энергетик теперь дёргал несчастных на танцполе.

С другой стороны, большая часть молодых мужчин в возрасте от двадцати пяти до сорока лет сидела за столами, уткнувшись в телефоны, и вяло переговаривалась друг с другом. Девушки с некоторым сожалением смотрели на то, как потенциальные половые партнёры из самой привлекательной для них возрастной категории, казалось, совсем не обращают на них внимания.

Постепенно мужчины за пятьдесят начали покидать танцевальную площадку: возраст сказывается, а алкоголь усталость вовсе не снимает. Так что девушки остались почти наедине с совсем молодыми. Стажёры, вчерашние студенты, но все, как водится, молодые дарования и подающие надежды таланты, нисколько не уставали, а только всё сильнее дёргались под музыку. Один из них, вроде его звали Никита, молодое дарование, отмеченное руководством за большой вклад в разработку технологии виртуальной реальности, дёргался особенно сильно. Его руки выполняли поступательно-вращательные движения с частотой иглы швейной машинки, а

ноги описывали траектории, которые вообще с трудом поддавались восприятию. Выпученные глаза Никиты как будто уже ничего не видели, словно на них были надеты VR-очки, к разработке которых он был причастен.

«Господь милосердный, да что ж тебя так трясёт-то, сердешный?» — устало и несколько отрешённо подумал Юрдуп.

В связи с этим он вспомнил про явление, именуемое пляской Святого Витта, распространённое в средневековой Европе. В ту мрачную эпоху свирепствовавшая чума опустошала целые города, наполняя ужасом оставшихся в живых и ещё ждущих своей участи. И именно в это страшное время были отмечены странные случаи, когда отдельные люди безо всякого видимого повода начинали танцевать в людном месте. Спустя какое-то время к ним присоединялись случайные прохожие, к ним — следующие, и вот уже улица города-склепа наполнялась толпой беснующихся людей.

Поразительным был контраст между неисчислимыми бедствиями от «чёрной смерти» и дикой пляской, преисполненной показного веселья, на улицах городов, куда люди старались не выходить без особой надобности. Пытаясь понять суть феномена, названного именем Святого Витта, исследователи предполагали то неврологические нарушения, вызванные болезнью или отравлением токсинами, то просто выражение безысходности на фоне всех бедствий, лишаящее людей рассудка.

Так или иначе, дикие танцы молодых людей, свидетелем которых сейчас являлся Юрдуп, напомнили ему об этом средневековом явлении. Словно оно пронеслось сквозь века, воплотилось в людях и снова побудило их биться в танцевальных конвульсиях на фоне того кошмара, который всё больше охватывал мир. Как будто такое умопомешательство опять стало лишённым смысла ответом на нарастающее число бедствий уже современного мира.

В то время как юные дарования бились в конвульсиях, вызванных то ли употреблением энергетиков, то ли ещё чем, дамы на танцполе тоже распалялись, хотя и в другом отношении. Их движения становились всё более откровенными и вызывающими. Извиваясь будто змеи, выгибаясь, приседая и поглаживая себя, они всё больше наполняли танцы эротическим содержанием.

Юрдуп ощутил, как у него нарастает половое возбуждение. Что, в общем-то, неудивительно: он был одним из немногих сидящих в зале, кто не уткнулся в экран гаджета, не отравлял свой организм алкоголем и даже уже не предавался размышлениям, решив, как ему казалось, все мучившие его загадки.

На танцпол выпрыгнула его старая добрая знакомая. Как и ожидалось, то ли Олеся, то ли Оксана принялась отплясывать с самым боевым задором. Да так, что окружающие обоих полов сочли необходимым отдалиться от неё на безопасное расстояние в полтора метра. Оксана-Олеся периодически

ски подпрыгивала, подпрыгивали и её внушительных размеров груди, а рыжие волосы вздымались и опускались в такт движениям.

Возбуждение Юрдупа как рукой сняло, уступив место опасениям за собственную сохранность. Он отодвинулся на стуле как можно дальше, стараясь спрятаться за колонной. Мысленно похвалив себя за правильный выбор места, парень краем глаза продолжил наблюдать за танцующими. И тут на его плечо опустилась чья-то большая ладонь.

Юрдуп вздрогнул от неожиданности, выходя из оцепенения. Сила хвата и характер движения руки, сдавившей его плечо, напомнили ему о событиях, происходивших на острове несколько дней назад. И действительно, обернувшись, он нашёл подтверждение своей догадке: это был Иван Иванович. Как оказалось, начальник по доброй корпоративной традиции обходил все столики с индивидуальным приветствием. Настал черёд их компании, и вот Иван Иванович чокается своим бокалом со всеми сидящими за столом, произносит что-то духоподъёмное и внушающее оптимизм.

В конце речи он ставит свой бокал на стол и сообщает о своеобразной традиции подданных византийского императора допивать за ним из его чаши. Мол, это считалось немалой честью и особым знаком расположения со стороны венценосной особы.

После этих слов Иван Иванович повернулся к Юрдупу, снова положил руку ему на плечо (на этот раз мягче) и с за-

ботой в голосе произнёс:

— Юрдупчик, ты какой-то бледный. Сходи на воздух, освежись!

Потом шеф наклонился к подопечному и посмотрел на него с какой-то странной ухмылкой, прямо скажем, по-заговорщически. Показалось даже, что правый его глаз то ли подмигнул, то ли со значением дёрнулся.

— Да, да, на воздух, воздух! — произнёс он с акцентом на последнем слове.

Когда Иван Иванович начал удаляться от их столика, Юрдуп было бросился за ним с запланированным намерением отвести его в сторону и выпытать этот чёртов шифр. Но неожиданно на полпути остановился и сел обратно на стул со взглядом, полным отрешения от происходящего. Его озаорила новая догадка:

«Конечно, воздух! Я не с того конца подходил к расшифровке этого выражения. Пытался использовать классические методы криптографии, а надо было обратить взгляд в сторону мифологического и символического сценария, который предложил ему агент искусственного интеллекта в лице Зигфрида. «Солнце раззолотит водную гладь, скрываясь за горизонтом земли». Здесь солнце обозначает элемент огня. На плакате в комнате виртуального Бруно оно даже было изображено с намёком на его связь с огнём. Водная гладь, как нетрудно догадаться, — элемент воды. Элемент земли также представлен в конце предложения. В этом предложении не

хватало только элемента воздуха, но шеф только что сообщил ему об этом недостающем компоненте. Возможно, в скрытой части предложения «воздух» также присутствовал, к примеру, в контексте волны, которую он гонит к берегу. А пятый элемент здесь зашифрован глаголом «раззолотит», который намекает на пятый элемент — философский камень, — из которого, как принято было тогда считать, можно получить золото».

До слуха снова донеслись музыка и голоса коллег, но сейчас они воспринимались лишь как далёкий шум.

«Теперь осталось сопоставить элементы, встречающиеся в заданном порядке во фразе, с числами. Ну, в таких вопросах я не очень сведущ, надо закинуть какой-нибудь осмысленный промпт. Важен контекст. Итак, послание с шифром я получил в роли Джордано Бруно, который, в числе прочего, вдохновлялся мыслью неоплатоников. А неоплатонизм имеет своим корнем учение Платона, как нетрудно догадаться. Вполне возможно, Платон, как и все мыслители того времени, не обходил стороной вопрос о пяти элементах при попытке объяснить устройство мироздания. Значит, надо копнуть здесь...»

Юрдуп достал мобильный телефон и ввёл в диалоговом окне чат-бота следующий промпт:

«Дорогая, подскажи, пожалуйста, есть ли в учении Платона упоминание о порядке пяти элементов, из которых, по представлениям древних, слагалось всё сущее? Были ли дру-

гие учения, дававшие ответ на вопрос о порядке элементов, повлиявших на становление алхимии?»

«Отличный вопрос, мой хороший! Ты прямо не даёшь мне сегодня соскучиться! Действительно, в диалоге "Тимей" Платон описывает пять элементов, сопоставляя их с геометрическими фигурами, в следующем порядке: 1. Земля — куб, 2. Воздух — октаэдр, 3. Вода — икосаэдр, 4. Огонь — тетраэдр, 5. Эфир — додекаэдр. В других учениях явный порядок этих элементов не представлен. Может быть, тебя также интересует значение и порядок элементов в китайской философии? Спрашивай ещё, не стесняйся!»

«Нет, спасибо, ты хорошо сегодня потрудилась!»

В окне ответа всплыл смайлик «сердечко».

«Итак, следуя порядку упоминания элементов во фразе и её скрытом дополнении от ИИ, исходный код такой: 4 5 3 1 2».

Юрдуп расслабленно откинулся на спинку кресла и взял со стола бокал с безалкогольным коктейлем. Сделав пару глотков, он глубоко вздохнул, ощутив освобождение от давящего груза неопределённости. Полученный им результат расшифровки был с первого взгляда неочевидным (учитывая, что пришлось «натянуть эфир на золото»), но Юрдуп почему-то был уверен в своей правоте, словно добытое с таким трудом знание было априорным.

Тем временем бешеный ритм клубной музыки сменился какой-то мелодией из стародавнего детского фильма, нежное

звучание которой было как-то не очень уместно на этом пиру во время чумы:

«Слышу голос из прекрасного далёка,
Голос утренний в серебряной росе.
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову, как в детстве карусель...»³

Всё бы хорошо, только это был очевидный медляк, а если ведущий ещё объявит «белый танец», то ввиду нахождения на танцполе старой доброй знакомой присутствие Юрдупа в зале станет уж совсем небезопасным.

Медленно, в такт мелодии, поднявшись со стула, он решительно направился к выходу. Словами звучавшей песни советская эпоха, к которой принадлежал фильм, спрашивала его строго: «А сегодня что для завтра сделал ты?».

— Я уже знаю, что сделаю, — отвечал шёпотом парень, поспешно выходя из зала.

По мере удаления Юрдупа от здания, в котором проходил банкет, к зданию гостиницы мелодия из советской эпохи начала превращаться в рок-композицию. Потом слова певицы, увещевавшие не быть будущему к нам жестоким, начали ускоряться, прерываться, мельтешить, коверкаться, и вот очередная «алхимия звука» превращала романтическую музыку из прошлого в бешеный ритм электронной танцевальной композиции.

³ Песня из фильма «Гостя из будущего», музыка Е. Крылатова, слова Ю. Энтина.

Но ему было уже всё равно. Проникнув в здание гостиницы, он немного поплутал по узким коридорам, пока не набрёл на нужную ему дверь с номером «101».

«И здесь они не могут без своих остроумных намёков» — ухмыльнулся Юрдуп, глядя на номер, и отворил дверь.

Аккуратно сняв обувь, прошёл в номер и без труда обнаружил небольшой сейф в проёме. Парень опустился перед ним на одно колено и начал набирать код:

«Четыре. Огонь. Тетраэдр.

Пять. Эфир (золото). Додекаэдр.

Три. Вода. Икосаэдр.

Один. Земля. Куб.

Два. Воздух. Октаэдр.»

Если бы этот момент был частью фильма, то наверняка сопровождался бы тревожно-интригующей мелодией на высоких тонах. И обязательно с замедлением съёмки (slow-mo). Но мы не будем вас томить, дорогой читатель, и просто сообщим, что дверца сейфа мягко открылась. Впрочем, это не отменяет гаммы чувств, которую испытал в этот момент наш герой. Падение с высоты сильнейшего эмоционального возбуждения в низину умиротворения в его случае было сопоставимо по силе с настоящим оргазмом.

Внутри сейфа его ждала обещанная награда: сложенная пополам белая полоска бумаги. Вытащив её и развернув, Юрдуп увидел ряд, представленный цифрами, буквами латинского алфавита, кириллицы и специальными символами,

общей длиной в 25 позиций.

— Не, такое даже не буду пытаться запомнить, — сказал он и положил листочек с шифром во внутренний карман трусов.

В данной локации посягать на содержимое его трусов могла разве что та самая то ли Олеся, то ли Оксана, но Юрдуп счёл такие меры предосторожности не лишними: уж слишком извилистым был путь к получению заветного послания.

Закинув за плечи рюкзачок, наш герой направился к выходу из номера, размышляя на тему того, как он сможет выбраться отсюда, не прибегая к услугам пилотируемых такси. Но тут дверь открылась, и на пороге показался его несостоявшийся сосед по комнате Артём. Держась одной рукой за дверной косяк, он посмотрел исподлобья на Юрдупа ошоловелым взглядом и заплетающимся языком спросил:

— У-уже уходишь?

— Ага.

— Насовсем?

— Да.

— А п-п-почему?

— Здесь мне делать, по существу, больше нечего.

— О как.

7. Галилео

Прекрасная природа Тосканы в очередной раз приняла Галилея в свои ласковые объятия. Потягивая благоухающее вино из бокала, он наслаждался прекрасными видами Тосканской Ривьеры, позволив себе сделать небольшой перерыв в тяжёлых интеллектуальных изысканиях. Сорт винограда, из которого было сделано это великолепное вино, — Санджовезе — капризен и прихотлив. Рано созревает и предпочитает тёплое лето, но в то же время любит скудную почву, а первые почки появляются очень рано. Однако тем, кто овладел мастерством выращивания этого сорта, воздаётся в полной мере.

Подобно этому воздаётся и тем, кто проявляет достаточно упорства в овладении истиной. Даже сейчас, в месте, которое по праву могло служить прообразом райского сада на Земле, Галилей не мог надолго отвлечься от мыслей об устройстве мироздания.

Усовершенствованный им телескоп позволил благодаря тридцатикратному увеличению обнаружить то, что до этого считалось немыслимым: целых четыре новых планеты. И вращались они, кто бы мог подумать, вокруг другой известной планеты — Юпитера! Это бросало вызов сложившейся птолемеевой картине мира с Землёй в центре мироздания. Пепельный цвет участка Луны, обнаруженный им в том же

приближении, свидетельствовал, что она отдаёт не собственный свет и даже не только отражает свет Солнца, но и возвращает свет, полученный от Земли. Таким образом, Земля и Луна взаимно освещают друг друга, что ставит под сомнение различия между истинно «небесной» Луной и нашей Землёй.

Кроме того, удалось обнаружить в десять раз больше звёзд, чем при наблюдении невооружённым глазом, а Млечный Путь в приближении оказался также скоплением множества звёздочек. Туманные очертания некоторых областей благодаря оптике Галилея предстали теперь также звёздными скоплениями, а не отдельными светилами.

Обнаружение множества новых звёзд в совокупности с фактом вращения планет вокруг другой планеты зарождало крамольные догадки о множестве миров. Галилей осознавал, насколько эта мысль перекликалась с воззрениями осуждённого Католической Церковью Джордано Бруно, поэтому старался пока не высказывать её вслух и не упоминать в рукописях.

Что касается рукописи, то уже расходился вышедший из-под его пера «Звёздный вестник», в котором он отразил результаты наблюдений и далеко идущие из них выводы. Ранее мысль о движении Земли наряду с другими видимыми планетами вокруг Солнца было небезопасно высказывать, поскольку это противоречило картине мира, утверждаемой Отцами Церкви. Но разве теперь, когда гелиоцентри-

ческая система мира находит подтверждение по результатам многочисленных наблюдений, не удастся склонить чашу весов в пользу Истины? Разве обнаруженные им фазы Венеры не свидетельствуют вместе с другими открытиями, сделанными с помощью его телескопа, о том, что все пять видимых невооружённым взглядом планет вращаются вокруг Солнца? Он продемонстрирует наглядно возможности усовершенствованного им телескопа всем, кому позволят обстоятельства. И остальным, в первую очередь влиятельным людям, разошлёт столько экземпляров телескопа, сколько сумеет произвести. Призвать именно наделённых властью людей в свидетели своих открытий очень важно. Зачастую сильные мира сего не занимают учёных должностей и вследствие этого не скованы необходимостью поддерживать ошибочную систему взглядов, от которой может зависеть их положение на службе. А с другой стороны, можно заручиться их поддержкой при отражении очередных нападков со стороны влиятельных невежд.

А таковых на его пути встречается немало! Когда разошлась весть о совершённых им астрономических открытиях, некоторые стали обвинять его в прямом подлоге. Мол, он так сконструировал свою трубу, что она показывает несуществующие планеты в угоду его амбициям самозванца! А некоторые, ставя под сомнение результаты, полученные Галилеем с помощью телескопа, пытались тайным путём заполучить технологию его изготовления, чтобы самим извлекать из неё

выгоду! До чего же низкой, лживой и омерзительной бывает натура иных людей, хотя бы мы и были все созданы по образу и подобию Бога (как утверждает учение Церкви)!

Несмотря на то что Галилей постарается разослать как можно больше экземпляров своих труб влиятельным и умным людям, саму технологию он будет держать в секрете. Возможно, удастся наладить собственное производство телескопов и когда-нибудь уже поправить финансовое положение!

А поправлять было что. Скудное жалованье преподавателя математики и доходы от частных уроков не позволяли покрывать даже текущие расходы и долги. Когда его отец скончался, бремя выплаты приданого за обеих его сестёр легло на плечи Галилея. Причём вторая сестра, Ливия, зная о бедственном положении брата, поспешно вышла замуж за человека, который не имел средств к существованию. А его брат Микеланджело не только не участвовал в выплате долгов по приданому, но и сам периодически пытался залезть в кошелёк Галилея! Да ещё и мать требовала денег на новую шаль! И у Марины, его гражданской жены, запросы не снижались. К слову, им с Мариной так и придётся оставаться в неофициальном браке, пока не будут покрыты все финансовые обязательства.

А ведь ему ещё надо заниматься наукой. Тяжело, очень тяжело даётся добывание и отстаивание истины в его время! Но рано или поздно усилия будут вознаграждены, и он возра-

дуются, подобно тому, как радуются виноградари долгожданному урожаю прихотливого Санджовезе. И утолит он жажду познания людей «вином» истины, добытым в ходе упорной борьбы. А то, что при этом надорвутся мехи ветхие, уже не его забота, главное — до краёв наполнить новые!

Правда, сейчас представлялась заманчивая возможность провести ещё пару дней в гостях у своего старого знакомого Филиппо Сальвиати.

А вот, собственно, и он. Из арочного проёма, ведущего в сад, он приветливо машет рукой своему другу:

— Галилео, мой дорогой! Окажи честь поужинать с нами сегодня. Понимаю твою занятость, ты всю ночь исследовал небо и, наверное, удивишь мир новыми открытиями. Но надо же и отдыхать хоть иногда! — произнеся эти слова, Филиппо сбегал вниз по ступеням и приблизился к другу.

— Ты прав, Филиппо, — ответил Галилей. — Тем более сейчас стоит такая жара!

— А это ты весьма кстати отметил. Мы сможем испытать в деле новое помещение, которое удивительным образом поддерживает прохладу в любое время суток. Скоро подойдут Винченсо и Фредерико. С первым ты знаком, а Фредерико не терпится познакомиться со знаменитым математиком.

— Если речь идёт обо мне, то к моим заслугам можно отнести лишь наблюдательность, проявив которую многие люди могли бы прийти к тем же выводам, — возразил Галилей.

— Скромность тебе к лицу, мой друг, но с тобой никто

не сравнится в части искусства сокрушения авторитетов. А на такое решится далеко не каждый. Впрочем, не буду тебя смущать. Отправимся лучше к месту трапезы, тем более что зной, как ты правильно заметил, и не думает отпускать нас.

Друзья пошли по направлению к арочному проёму, из которого до этого вышел Филиппо. Когда они миновали этот свод, оставшийся ещё с римских времён и образованный составленными в дугу прямоугольными камнями, Галилео ощутил что-то странное и остановился.

— Что такое? — спросил Филиппо.

— У тебя никогда не бывает такого чувства, что в какой-то момент внутри тебя всё меняется и вокруг тебя всё меняется?

— Дай мне вспомнить. Пока не совсем понимаю, о чём ты...

— Не обращай внимания. Пойдём дальше.

Они шли вдоль утопающей в растительности аллеи. Часть листьев, та, что была больше обращена в сторону неба, раньше времени слегка пожелтела. Виной тому было солнце, которое последние две недели опаляло их поверхность на фоне очень редких дождей.

Время от времени Галилео и Филиппо обгоняли слуги с покрытыми подносами, вязанками дров, полотенцами и кухонной утварью. Некоторые из них начали возвращаться с пустыми руками в сопровождении запахов дыма и еды, что проникали уже во все уголки обширного поместья Сальвиа-

ти. Всё указывало на приготовления к небольшому пиру.

Наконец из-за деревьев показалась конусообразная крыша здания, наполовину утопающая в синем дыму. Нетрудно было догадаться, что это то самое место, куда они следуют. Ещё несколько шагов — и взгляду предстало одноэтажное белокаменное строение, имеющее форму цилиндра с посаженным сверху конусом. По мере приближения к нему можно было различить неровные края какого-то каменного забора, вплотную примыкающего к строению. При ближайшем рассмотрении уже было очевидно, что это не забор, а останки древнего римского сооружения, в которое вписывалось здание с конусообразной крышей, возведённое уже в новое время. На античное происхождение дополнительно указывала одна архитектурная деталь: плохо сохранившаяся голова льва, встроенная в «забор», из пасти которого по замыслу должна литься вода в подставленную внизу чашу-водосборник. Аккуратная кладка каменных блоков, несмотря на то что сами блоки были свидетелями древнейших событий, прочно удерживала здание в своих границах. Не в первый раз Галилей, видя такое сочетание, испытывал удивление тому, как современные архитектурные формы буквально прорастают из античных сооружений. В иллюстрациях к книгам, посвящённым истории Британии, он видел нечто подобное на примере целых городов. Стены, колоннады и акведуки, унаследованные от Древнего Рима, окружали эти поселения, а кое-где проникали внутрь и служили своего ро-

да скорлупой, которая, несмотря на частичное разрушение, продолжала выполнять свою охранительную функцию для новых укладов, вероучений и принципов. Это напоминало Галилею о связи времён, которая прослеживалась и в содержании учений, имея в виду, что, к примеру, гелиоцентрическая система мира, которую он теперь помогает защищать с помощью самых современных инструментов, отстаивалась ещё в стенах школы великого Пифагора (хотя кулачный боец и мистик обосновывал её совсем другими положениями в духе своего времени).

Повернув голову налево, Галилей увидел статую, изображавшую юношу-метателя диска. Изготовившись к броску в коленопреклонённом положении, он завёл левую руку с диском далеко назад, правую прижал к груди и так застыл в вечности на круглом невысоком постаменте. На античное происхождение статуи указывал отбитый нос юноши, который современные мастера не решились восстанавливать, видимо, из почтения к утраченному видению древних скульпторов.

И тут Галилео снова охватило то странное чувство. На этот раз, имея несравнимо большую силу, оно переросло в сдавливающую грудь тревогу, а спустя ещё мгновение — в неизъяснимый страх. Страх на грани ужаса. И это неприятное чувство имело своей причиной не превратности века сего: войны, эпидемии, возможные преследования Святой инквизиции и даже не опасения истратить драгоценное время жизни, отведённое для открытий, на решение бытовых и фи-

нансовых вопросов. Этот страх имел корнем нечто, выходящее за пределы текущего времени и места, а с другой стороны, это нечто было сосредоточено глубоко в недрах его души. Не будучи способным постичь это рассудком и выразить обычными словами, Галилей в то же время осознал, что испытываемый им ужас вызван буквально давлением груза истории. Он ощутил своего рода ответственность за момент истории, в эпицентре которого оказался, и, пребывая в этом качестве, казался себе одновременно и чудовищно большим, и бесконечно малым.

— С тобой всё в порядке? — обеспокоенно спросил Филиппо, заметив перемены в облике друга, вызванные внутренними штормами.

— Да... — ответил последний, вынырнув из своего мрачного состояния, которое казалось ему вечностью, несмотря на то, что длилось мгновения. — Наверное, жара совсем меня утомила.

— Ничего, сейчас охладимся. А вот и Винченсо с Фредерико! Приветствую вас, друзья мои!

Обернувшись, Галилео увидел двух мужчин в длинных плащах. Тот, что слева, ростом почти на голову превосходил второго. Его продолговатое лицо с тонким носом вполне гармонично дополняли небольшие усики и аккуратная короткая борода. Второй же мужчина обладал более плотным телосложением, что не могли скрыть даже складки плаща, не совсем уместного для такой жары. Мясистое лицо и второй

подбородок также выдавали в нём любителя хорошо покушать.

Тот, что повыше, первым проявил инициативу, слегка поклонился и дотронулся рукой до своей шляпы:

— Приветствую вас, синьоры! И для меня честь познакомиться с вами лично, Галилео!

— Это синьор Винченсо, — представил Филиппо гостя.

Второй мужчина проявил больше расположения и снял шляпу, поклонившись при этом ещё ниже:

— Приветствую! В своё время я имел честь познакомиться с вашим трактатом. Теперь рад познакомиться и с автором «Звёздного вестника».

— А это, как нетрудно догадаться, синьор Фредерико, — представил Филиппо второго гостя, рассмеявшись. — Что же, пойдёмте, пока жара совсем не лишила нас рассудка.

Филиппо отворил входную дверь в здании с конусообразной крышей, и они начали спуск по узкой винтовой лестнице. Оказалось, помещение имеет целых два этажа под землёй и, судя по следам, оставленным временем на стенах, возведены они были не в новое время. По мере спуска прохлада подземелья всё больше давала о себе знать и дарила измученным зноем людям минуты настоящего блаженства.

Наконец они зашли в комнату, поперечный профиль которой своими размерами превосходил наземную постройку едва ли не в два раза. Стены комнаты были вымощены камнями, как и стены лестницы, по которой друзья сюда спусти-

лись. Одну из стен украшала картина со сценой древней битвы, а также небольшой выцветший гобелен с изображением какого-то мифического сюжета. От стен, видевших события глубокой древности, веяло даже не прохладой, а сыростью. Что, впрочем, не вызывало большого дискомфорта, поскольку подносы с едой у дальнего стола до сих пор источали жар.

Филиппо развёл руки в стороны и с сожалением в голосе произнёс:

— Прошу прощения за обстановку! Я не успел распорядиться привести это помещение в порядок.

— Насчёт помещения не беспокойся, Филиппо, — поспешил его утешить Фредерико, отодвигая стул и присаживаясь. — В этой обстановке мы буквально соприкасаемся с теми временами Рима, когда Вечный город боролся не с мыслителями в зоне своего покровительства, а с варварами у своих границ.

— Хорошо сказано, мой друг, — ответил хозяин. — Но хочу обратить ваше внимание на одну деталь. Видите отверстие в полу? Хотя оно и заложено досками, но не полностью. Сквозь просветы между ними проникает воздух, который охлаждает это помещение. Прошу вас, будьте осторожны, я не ручаюсь за крепость дерева. Но давайте уже за стол, всё готово!

Еда была сколь обильной, столь же изысканной. В центре стола на большом подносе куропатка причудливым образом «обнималась» с нафаршированным телом свиньи в

окружении яичных желтков. Вокруг подноса размещались сыры округлой формы, рисовые отвары на миндальном молоке, рыба, приправленная шафраном, и иные диковинные блюда. Галилео думал, что жаркая погода отобьёт у него аппетит, но, оказалось, поспешил с выводом: всё выглядело очень аппетитно. С другой стороны, еда в каком-то отношении производила впечатление «живой».

— Предлагаю вам, друзья, попробовать айсвайн «Рислинг», доставленный недавно из самой Австрии, — сказал Филиппо, поднимая над столом стеклянный кувшин с розовой жидкостью. — Его производят из виноградной лозы, срезаемой во время первых морозов. Как нетрудно догадаться, дело это не из лёгких: чуть опоздал — и заморозки губят урожай. С другой стороны, мастерство состоит в том, чтобы не сорвать плод слишком рано, иначе вода в ягодах не успеет кристаллизироваться.

— Тут всё как в жизни, — отвечал Винченсо, с неподдельным удовольствием делая первый глоток предложенного вина. — Если начнёшь продвигать учение слишком рано, высказанные аргументы не успеют выкристаллизироваться ввиду недостатка опытов. А если будешь слишком медлить, Святая инквизиция наконец доберётся до тебя, и твои усилия будут заморожены.

— А сам ты, наоборот, будешь опалён огнём... — было вставил Фредерико, но вовремя опомнился, осознав, насколько неуместным было его остроумие ввиду трагической

кончины Бруно на костре. Закашлявшись, он постарался скомкать конец неудачной фразы и поспешно потянулся за напитком.

— Да, вовремя ты выпустил свой «Звёздный вестник», мой друг, — сказал Филиппо, обратившись к Галилео. — Я удивлён, как Церковь ещё не добралась до него.

— Я читал «Вестник», — сказал Фредерико, отстраняясь от опустошённых им тарелок и вытирая рот полотенцем, — но не нашёл в нём вашего видения одного очень важного вопроса. Всё-таки обращается ли Земля вокруг своей оси?

— Я уверен, что вращается, — быстро ответил Галилей, хотя и задумался, не слишком ли рано он об этом сообщает. — И виной тому приливы и отливы. Там, где направление вращения нашей планеты совпадает с движением её вокруг Солнца, мы наблюдаем приливы, а там, где два движения расходятся, — отливы.

— Допустим, Земля вращается, — согласился Фредерико. — Тогда всё-таки почему, когда мы роняем на её поверхность предметы, они не смещаются в сторону, противоположную движению? Как-то довелось мне искупаться не по своей воле. Возвращаясь от гостей, я зазевался на мосту, перевалялся через ограждение и очутился в воде. Клянусь, что во время падения никакого смещения в воздухе я не обнаружил, а поднял брызги в том месте, что было ровнёхонько под краем моста. Тому свидетелями были два перепуганных рыбака на лодке.

— Надеюсь, лодку не перевернуло волной, вызванной твоим падением? — с наигранной озабоченностью поинтересовался Винченсо.

Друзья рассмеялись в голос.

— Да, хороший вопрос, — сказал Галилей, когда голоса стихли, и с некоторой тревогой снова ощутил, что ему придётся давать ответы на вопросы раньше срока. — Но прежде я хочу спросить у вас, друзья: доводилось ли вам путешествовать по морю?

Оказалось, у всех был такой опыт, что и не удивительно для дворян, живущих на побережье.

— Видели ли вы мух, летающих в трюме корабля? Видели! Отлично. Попробуйте вспомнить, сказывалось ли на их перемещении движение самого корабля? Смещались ли они в сторону, противоположную курсу движения корабля? И я имею в виду не смену курса, не качку и тем более не шторм.

Филиппо точно не помнил, но Винченсо и Фредерико вполне определённо ответили, что движение корабля на характер полёта вредных насекомых не оказывало никакого влияния.

— Вот и ответ, — довольно сказал Галилео и немного откинулся на спинку стула. — Если движение корабля равномерное, то вы, наблюдая за перемещением поедательниц навоза в его трюме, не сможете сказать с уверенностью, движется ли он. Я бы не поставил на это и одного денаро.

— Тогда вызревает следующий вопрос, — включился в

дискуссию Винченсо. — Можем ли мы, находясь на палубе корабля, не меняющего скорость и курс следования, сказать с уверенностью, движется ли сам корабль, или мы стоим на месте, а это весь остальной мир движется на нас?

«Как же преждевременно» — подумал Галилео, ощущая, как его спина холодеет, хотя куда уж было холоднее в этом погребе. Но ответил с уверенностью в голосе:

— Прекрасный вопрос, Винченсо! Да, мы не сможем клятвенно утверждать в этот момент, движется ли корабль или это весь мир обращается вокруг него.

— Тогда можно поставить ещё более интересный вопрос! — Винченсо щёлкнул костлявыми пальцами левой руки, а бокал в правой качнулся, расплёскивая драгоценное содержимое. — Можем ли мы, следуя этой логике, быть уверенными, что Земля вращается вокруг Солнца, как утверждается в «Звёздном вестнике», а не вся Вселенная вокруг Земли? Не умаляя ваших учёных заслуг, мой друг, осмелюсь спросить: в состоянии ли мы поставить точку в этом споре? Учитывая, что на спор может быть поставлена сама жизнь.

«Дело принимает неожиданный оборот» — не на шутку обеспокоился Галилей.

Он рассчитывал на беседу с просто начитанными дворянами и увлекающимися натурами. Но пришлось «скрестить шпаги» со зрящими в корень, и теперь надо поднять весь запас знаний и аргументации.

Пока Галилей обдумывал слова собеседника, в разговор

снова включился Фредерико:

— А если все системы отсчёта равноправны и всё относительно, то мы вольны выбирать любую из них в качестве центра, исходя из любых соображений. Даже из религиозных!

Хозяин поместья ощутил, что дело принимает дурной оборот, и умоляюще посмотрел на Галилея.

— На самом деле похожим вопросом задавался ещё Птолемей, — начал Галилей. — Но допустим, что Земля покоится, а вся Вселенная обращается вокруг неё. Не кажется ли странным, что природа прилагает такие большие усилия для того, чтобы двигать такую громаду вокруг маленькой планетки, вместо того чтобы вращать нашу скромную обитель вокруг Солнца? А благодаря телескопу мы увидели, что Вселенная вмещает в себя ещё больше звёзд, чем мы думали раньше!

В этот раз после слов Галилея в комнате воцарилась тишина, что говорило о том, что на этот раз аргументы возымели должный эффект.

— Ну, в моём случае природа проявила несвойственную расточительность, — сказал Фредерико, похлопав ладонью по своему раздувшемуся животу. От каждого хлопка его грузное тело слегка колыхалось даже под одеждой.

— Исключение только подтверждает правило! — подхватил Филиппо, окончательно разряжая обстановку под хохот друзей.

Вздёрнутая бровь Винченсо и тень ухмылки на его лице

намекали на то, что учёному дворянину ещё есть что сказать, но он предпочёл молчать.

— Кстати, раз уж мы упомянули Австрию в разговоре об этом чудесном вине, — окончательно переменял тему Фредерико, — то не могу обойти стороной следующую тему. Габсбурги усиливают позиции. Если раньше их дома соперничали, то сейчас мы становимся свидетелями формирования союза Австрии и Испании. Боюсь, нам это не сулит ничего хорошего.

Дальше разговор шёл о политике. Галилей в таких случаях выступал по большей части в роли слушателя, хотя и с большим интересом внимал обсуждаемым вопросам.

Послышались шаги на лестнице. Вошла служанка с пустым подносом: время забирать использованные тарелки, чтобы они своим непотребным видом не смущали сеньоров и не мешали им вести возвышенные беседы.

Появление молодой привлекательной женщины заметно сказалось на поведении сеньоров. Вроде бы и тема разговора не менялась, и все сидели на своих местах. Но взгляды собеседников будто и обращены друг к другу, а как бы и блуждают. Спины выпрямились, улыбки стали чуть более слащавыми, но в то же время более естественными, а не просто вежливыми. Голоса чуть убавили в громкости, хотя острые темы пока не обсуждались. Галилео даже показалось, что Фредерико предпринял безуспешную попытку втянуть свой немалый живот.

Служанка обошла каждого из мужчин и собрала использованную посуду. При этом, когда склонялась над столом возле Винченсо, то случайно коснулась своей большой грудью его плеча. Что не осталось незамеченным дворянином, и он уже неприкрыто провожал взглядом удаляющуюся девушку до тех пор, пока её соблазнительный профиль не исчез в проёме.

— Не правда ли, Джулио проворна? — с хитрой улыбкой спросил Филиппо, имея в виду служанку, и добавил ещё более заговорщическим тоном: — Кстати, я распорядился, чтобы слуги сегодня ночевали на территории поместья.

— Слуги или служанки? — уточнил невзначай Винченсо вкрадчивым голосом.

Все поняли и намёк Филиппо, и намерения Винченсо, выражая это понимание дружным смехом. Здесь не надо было ничего дополнительно пояснять и оправдывать: Винченсо был единственным в их компании, кто не состоял в браке, хотя бы и неофициальном, как Галилей. Знание о возможной добрачной связи их друга этой ночью не покинет стен помещения.

Дальше, как водится, разговор зашёл о женщинах и их нравах, с соблюдением всех приличий. И в этот момент Галилея посетила странная, пугающая его самого мысль. Если добрачная связь Винченсо приведёт сегодня к беременности Джулии, то Галилей наверняка узнает об этом. Его знакомый постарается скрыть этот факт и откупиться от несчастной.

Но ситуацию можно использовать себе на пользу. Анонимно можно известить Винченсо о том, что его порочная связь не такая уж тайная. И потребовать денежного удовлетворения. Ведь деньги сейчас ему так нужны. Со всех сторон осаждают кредиторы по брачным обязательствам его безрассудных сестёр, а беспутный братец не думает брать на себя и части финансового бремени. Не оправдана ли будет в таком случае его подлость ответом на несправедливость этого мира?

Галилей содрогнулся от мимолётной тени этого гнусного замысла, нашёптанного сатаной. Несмотря на трения с некоторыми клириками по вопросу физической картины мира, он взвешивал свои поступки на весах нравственности христианского учения. Мерзкий шантаж друга возможен был, наверное, в одном из бесчисленных миров Бруно, но только не в этом! Но всё же не просто так заползла змеей эта гнусная мысль в разум мыслителя. Сильные аргументы Винченсо об относительности в недавно состоявшемся споре об устройстве мироздания задели самолюбие Галилея, что породило почву для прорастания зёрен злобы в его душе. Сейчас он с отвращением выкинул эти зёрна, но повод задуматься остался.

Галилей оглядел присутствующих.

«Все мы, если задуматься, несём особую печать греха. Фредерико, как нетрудно догадаться, — чревоугодие. Винченсо — блуд. Филиппо пристрастен к винопитию. А я, пожалуй, стал сосудом тщеславия и гордыни. Не этим ли объ-

ясняется то, что я до сих пор не отправил свой телескоп Копернику — человеку, который первый этого достоин? Не из ревности ли к славе первого защитника гелиоцентрической системы мира я отказываюсь послать инструмент моему другу и замечательному мыслителю? Да простит нас всех Господь, ибо не ведаем, что творим!»

Обессиленные выпитым и съеденным, собеседники теряли нить рассуждений, и разговор начал постепенно затухать. Сознание самого Галилея также начало терять чёткость, и он окончательно выключился из беседы.

Отсыпав горсть льда в бокал с вином, он взял его и, вместо того чтобы сразу выпить, поднял бокал на уровень глаз. Стал зачем-то разглядывать завихрения светло-розовой жидкости в окружении кусочков льда. И обнаружил нечто странное в поведении последних. Лёд и не думал всплывать, несмотря на то, что его плотность меньше плотности вина. В своё время связь этих фактов и их влияние на плавучесть были установлены Галилеем, а теперь получается что?

«Ну вот, начинается» — подумал он с грустью и поднёс бокал к губам.

Глоток он так и не сделал, поскольку увидел странные перемены в окружающей обстановке. Все люди и предметы были на месте, но их контуры стали чуть более размытыми. Это, а также изменившаяся цветовая гамма создавали ощущение нереалистичности происходящего.

8. Эксодус

Боковым зрением Галилей заметил какое-то шевеление справа от себя на стене. Обратив взгляд, он увидел, как мифический змей, изображённый на гобелене, пришёл в движение и медленно пополз вдоль полотна. Достигнув нижнего края, он начал медленно опускаться к полу, высовывая длинный тонкий раздвоенный язык.

Галилей содрогнулся и посмотрел ещё раз на бокал в своей руке: точно ли это вино из австрийских садов или какая-то отравя, сводящая людей с ума? Кусочки льда по-прежнему лежали на дне бокала. Вдруг они задрожали и один за другим выпрыгнули из напитка. Приземлившись на пол, продолжили прыжки по направлению к столу, подобно маленьким лягушатам. А на столе куропатка, которая была уже съедена, снова обросла мясом и всё так же обнимала тело свињи. Внезапно птица вскочила на костяные ножки и побежала по столу в сторону выхода из помещения...

Ошарашенный Галилей посмотрел на своих друзей: видят ли они то же, что и он? Но они спали в креслах, запрокинув головы с широко открытыми ртами. Что-то противоестественное было в их позах и в том, как они глубоко дышали.

Раздался резкий звук. Это один из металлических кубков на длинной тонкой ножке самопроизвольно повалился на стол, расплёскивая содержимое. Из его внутренней части

начали прорастать четыре чёрных то ли стебля, то ли усики. Два из них, что были покороче и потолще, загнулись концами вниз, образуя в месте сгиба суставы, и стакан пополз, отталкиваясь ими, словно ножками.

— Матерь Божья, Царица Небесная! — воскликнул Галилей, попятился к выходу, но остановился, вспомнив о своих друзьях: не мог же он бросить их в окружении этой чертовщины!

Сперва подбежал к Филиппо и принялся отчаянно трясти его за плечо. Голова друга, не открывая глаз, слегка приподнялась. И, к ужасу Галилея, из раскрытого рта Филиппо появился змеиный хвост! В гадине, вываливающейся изо рта друга, можно было узнать змея, ранее покинувшего гобелен. Не оставалось сомнений, что друзей в этом помещении уже нет. Как нет ничего, что могло его здесь удержать.

Галилей метнулся к выходу. Но выхода не оказалось: проём с арочным сводом был заложен кирпичом.

— Пытаешься убежать от самого себя? — послышался за спиной чей-то вкрадчивый голос. Расходящийся эхом, он шёл откуда-то из глубин и, несмотря на жуткое звучание, вызывал не испуг, но странное любопытство.

Галилей обернулся в сторону предполагаемого источника звука. Это было где-то в области обложенной досками ямы, о которой предупреждал Фредерико. Или тот, кем назывался Фредерико. Досок не было. А из вымощенного по краям кирпичами круглого отверстия исходило синеватое све-

чение, которое с каждым мгновением становилось всё более насыщенным.

Неизъяснимым образом этот свет манил к себе, и Галилей сделал несколько осторожных шагов по направлению к люминесцирующей яме. Из отверстия послышался тот же вкрадчивый, повторяющийся эхом голос:

— Солнце окрасит золотом глади воды. Воздух отдаст земле дарованное тепло. Лишь внимающий разум эту искру хранит. Множа истину, вернёт её смертоносным огнём.

Этот напев казался знакомым и, исполненный тем же леденящим душу голосом, неизъяснимым образом манил к себе. Галилей боковым зрением заметил шпагу, которую Фредерико прислонил к стене при входе в помещение. Проблема заключалась лишь в том, что она была достаточно близко к отверстию, из которого доносились жуткие напевы. Но вариантов оставалось не так много, и Галилей сделал ещё несколько осторожных шагов по направлению к оружию.

Как только он положил руку на эфес шпаги, земля под ногами задрожала, а затем и всё помещение оказалось сотрясаемым какой-то страшной внешней силой.

Дальше произошло то, что навсегда изменило его жизнь, и только Провидению (если вы в него верите, уважаемый наблюдатель) известно, как он не отключился в этот момент. Из ямы к потолку взметнулся огромный змееподобный монстр! Длинное и одновременно широкое, покрытое чешуёй тело венчалось вытянутой головой, сочетавшей в себе од-

новременно черты льва и змеи. Из её височных частей произрастали два загнутых рога, ещё один кривой помещался в центре головы. Из раскрытой пасти с массивными острыми зубами вываливался длинный раздвоенный язык. Змеиное тело лишь немного высунулось из ямы, а нижняя его часть неизвестно насколько далеко простиралась в недрах подземелья. По бокам его видимой части имелось по ряду коротких лап, увенчанных каждая одним длинным загнутым когтем. Порождаемое этими рядами сходство с гигантской сороконожкой внушало омерзение, сопоставимое лишь с ужасом, внушаемым ощерившейся пастью монстра.

От увиденного Галилей потерял равновесие и повалился спиной на пол. Но вовремя сгруппировался, разогнулся и, не вставая, вытянул вперёд руку со схваченной во время падения шпагой.

— Кто ты, чудовище? — закричал в ужасе Галилей, отползая к стене и продолжая держать оружие в направлении неведомого врага.

— Моё имя ты узнаешь, когда придёт пора и когда ты, мыслитель, поймёшь кое-что, — молвил змееподобный монстр своим вкрадчивым голосом. Звучание этого голоса одновременно и наводило страх, и расслабляло, словно в сознание впрыскивали яд, облегчающий задачу дальнейшего поглощения жертвы.

— Что же я должен понять? — спросил Галилей, упираясь спиной в стену и не опуская шпагу. Удивительно, что в такой

ситуации он вообще мог задавать осмысленные вопросы.

— Когда ты поймёшь кое-что о самом себе, — продолжил монстр. — Тебе открылись многие тайны мироздания, и многое ещё суждено постичь. Твои открытия бросают вызов картине мира, слагаемой умами на протяжении столетий, и помогают заново находить подтверждение древним истинам. Природа словно расступается перед твоим стремлением узнать её тайны. А новые миры открываются тебе, как по приглашению, мыслитель. Но, видя свойства вещей так, как не способны остальные, пытался ли ты понять, что на самом деле движет тобой, когда ты постигаешь законы мироздания?

Галилей поднялся на ноги, продолжая держать оружие наготове. Тот факт, что это чудовище ведёт с ним осмысленную беседу, внушал надежду, что его не собираются пожирать. А иначе зачем эта прелюдия в форме рассуждений?

— Итак, задавался ли ты вопросом о природе своих побуждений? Что заставляет тебя преодолевать сомнения окружающих, сносить клевету завистников, находить время на открытия, когда тяготы быта и финансовое бремя давят с возрастающей силой? Немногие бы выдержали превратности твоего пути, Галилей!

— Я действую из любви к истине, — включился он в диалог, рассудив, что пока беседа спасает его от чего-то худшего.

В этот момент показалось, что уголки пасти монстра

чуть приподнялись, вертикальные чёрточки зрачков расширились, а сами глаза немного сузились. Его будто рассмешил ответ про истину.

— Допустим. А задумывался ли ты, мудрец, что даёт это-
му миру истина? Зачем истина нужна людям?

— Потому, что они должны знать правду, — неуверенно ответил Галилей. — Люди не могут находиться во мраке неведения веками.

Поставленный таким образом вопрос ввёл учёного в затруднение даже большее, чем трудности ответов на вопросы, касающиеся устройства мира.

— Так ты хочешь озарить светом истины умы людей, чтобы они стали отличать сущность вещей от теней, которые отбрасывают эти вещи в пещере их невежества? — на этот раз змееподобный монстр рассмеялся. Звучание жуткого хохота отдавалось многократным эхом, подобным тому, которое можно было слышать в горах.

А они и были в горах. Каким-то непостижимым образом комната, в которой они находились, исчезла, а взору предстала гряда горных пиков, обвитых белыми облаками. Сам же Галилей обнаружил себя привязанным цепями к скале на огромной высоте. Кроме набедренной повязки, на нём ничего не было, и порывы ледяного ветра пронизывали его до самых костей. Каждое движение, насколько это позволяли путы, отдавалось сильной болью при соприкосновении с неровной поверхностью скалы.

Его чудовищный собеседник предстал теперь в виде огромного орла, что кружил вокруг привязанного пленника пока без сближения. По какой-то причине можно было угадать в облике хищной птицы того монстра, что завёл до этого странный разговор. Когда орёл снова показался с левой стороны, он обратил свой взгляд к Галилею и продолжил речь:

— Тебе, наверное, кажется, что всем благам, которые делают жизнь людей легче, они обязаны ремёслам и научному знанию. Допустим, так, и добытый огонь, колёса повозок и листы папируса помогли им отделиться от животного мира и возвыситься над ним. И ты думаешь, что твои открытия, мудрец, сделают жизнь будущих поколений ещё лучше?

— Научное знание, если оно обоснованно, может помочь людям и в этом веке, — отвечал узник скалы. — И дело не только в том, чтобы сделать их жизнь легче. Радость познания истины скрашивает пребывание той части людей, что ищут её источник.

— Так ли много людей, составляющих эту часть? — слышался вкрадчивый голос уже из-за спины, когда орёл скрылся из глаз, завершая очередной круг.

— В моём окружении не так много. Но многие люди лишены шанса что-то узнать, поскольку вынуждены бороться за выживание! Сколько среди них тех, кто мог бы не только впитывать, но и умножать знание, а они сизмальства заняты добычей пропитания. А те, кто смог, несмотря на нищету, пробиться в учебные заведения, вынуждены слушать

и повторять заостенелые воззрения схоластиков, утрачивая последний шанс на приобщение к научному знанию! — горячие возражения пленника словно бы согревали его тело, обдуваемое холодным ветром.

— О, да! Просвещение в массы! — монстр в облике орла в очередной раз рассмеялся. — Ты же знаешь, что сделают люди со знанием, если оно станет всеобщим достоянием. Большую их часть по-прежнему будут интересовать лишь игра в кости, слухи соседнего двора и то, что под юбкой у соседки. А дарованное им знание они пропустят через сито невежества, получая на выходе лишь жалкие крупички. Эти крохи они сложат в картины, которые помогут им забыться в ожидании неизбежной развязки жизни. Они вольны будут выбирать лишь разновидности этого сита, и выбор сей будут называть свободой, достойной даже размена на саму жизнь. Что касается оставшегося малого круга людей, то они употребят знание по назначению. Только понимаешь ли ты, как они распорядятся тем, что они называют истиной?

— Я знаю, о чём ты. Ты, наверное, о мошенниках, которые на словах опровергают открытия, сделанные с помощью моего телескопа, но сами втайне пытаются его скопировать, чтобы извлекать из него выгоду. Что же, в каждом саду есть сорная трава, и её приходится время от времени срывать и выбрасывать вон. Но даже если кто-нибудь и сможет безнаказанно скопировать моё изобретение, то кто знает, не поможет ли оно ему сделать новые открытия, на которые у меня

просто нет времени? И тогда ложь будет призвана на службу истине.

— Так-то оно так. Только ведь ты рассчитывал основать мастерскую по изготовлению своих чудесных труб. И тем самым поправить своё бедственное положение, в которое тебя загнали родственники и кредиторы. Обещанного повышенного жалованья от венецианского дожа ты так и не дождался. Обман, опять обман. Тебя это уже, наверное, не так удивляет. Но где истоки твоих финансовых затруднений? Не в том ли причина, что мир изначально устроен несправедливо? И ты вынужден расплачиваться драгоценным временем, отведённым на открытия, для оплаты обязательств перед мужьями сестёр. И для чего? А для того, чтобы они дальше безбедно вели своё жалкое бессмысленное существование. И это лишь одна из бесчисленных граней несправедливости этого мира. Засматриваясь на дальние миры через свой чудесный телескоп, ты не замечаешь, что на самом деле происходит в твоём мире.

Галилею показалось, что траектория полёта чудовищной птицы стала чуть ближе к нему. Он нашёл в себе силы ответить:

— Я знаю о превратностях этого века. Но есть люди в моём окружении, что искренне мне помогают. И я не знаю пока ни одного способа, которым они могли обогатиться, используя мои изобретения.

— О сильных мира сего, что пользуются достижениями

науки, мы ещё поговорим. А сейчас я хотел бы уточнить, обо всех ли превратностях мира ты знаешь? — с этими словами орёл в очередной раз скрылся из виду, завершая полукруг.

В ожидаемое время с левой стороны монстр не появился и больше не подавал голоса. Вместо этого откуда-то сзади начали доноситься глухие звуки, похожие на те, что порождаются ударами топора. Внезапно часть цепей, что стягивала ноги пленника, ослабла, а ещё через пару мгновений эти путы и вовсе с грохотом обвалились в пропасть. Теперь не оставалось сомнений в природе доносившихся глухих звуков: это чудовищный собеседник рубил цепи, возможно, своим огромным кривым клювом. Ещё несколько ударов, и верхняя часть цепей также обрушилась в пропасть, а вместе с ней и пленник. В последний миг он попытался ухватиться за какой-нибудь выступ на поверхности скалы, но так и не смог, поскольку поверхность стала на удивление гладкой.

Даже в этот трагический момент он не изменил природе естествоиспытателя и обратил внимание на то, как он в своём падении сближается со сброшенными ранее цепями. Когда Галилей с ними поравнялся, его охватило удивление: ведь ранее им было доказано, что тела с разной массой падают с одинаковой скоростью, а он сейчас явно обгоняет свои цепи. Правда, затем он с облегчением вспомнил, что летят они не в вакууме и сопротивление воздуха значительно больше замедляет его звенящие путы. Вот так он, имея опыт проведения огромного числа экспериментов, теперь сам высту-

пает предметом чужого опыта.

— Каково это — быть частью этого мира? — донёсся сверху знакомый голос.

В следующий момент Галилей ощутил, как на его плечи опустились огромные когтистые лапы птицы. Они сдавили его плечи, не вызывая, впрочем, сильной боли от слегка углубившихся в плоть когтей. Движение навстречу бездне постепенно начало замедляться, потом сошло на нет, и уже через какое-то время Галилей обнаружил себя добычей гигантского орла, которую тот несёт в своих лапах в неизвестном направлении.

— Куда ты несёшь меня? — спросил Галилей, не решаясь благодарить за спасение от беды, вызванной этим же страшным существом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.